

Дмитрий Самохин Ирина Лазаренко

САД ЗЕРКАЛ

Зеркало (Рипол)

Дмитрий Самохин

Сад зеркал

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самохин Д.

Сад зеркал / Д. Самохин — «РИПОЛ Классик»,
2019 — (Зеркало (Рипол))

ISBN 978-5-386-13335-1

В зеркальном саду нет ни одного обычного зеркала. Тут живут деревья, невозможно древние, мудрые и лукавые. Их корни проросли через пласты почвы и реальности, другие миры питают их своими соками и преданиями, а деревья – слушают. Слушают, смотрят и не вмешиваются, а если вмешиваются – не признаются. Хочешь послушать вместе с ними, заглянуть в зеркало других миров и увидеть там себя? Сделай шаг, вот она – тропа. Сегодня ты можешь пройти по ней. Только недалеко, не дальше десятого дерева. Дальше – нехоженые тропы.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-13335-1

© Самохин Д., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Сад зеркал	6
1. Мировое Древо	9
Дмитрий Самохин	11
Ирина Лазаренко	22
2. Осина	37
Дмитрий Самохин	37
Ирина Лазаренко	55
3. Сосна	62
Дмитрий Самохин	63
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дмитрий Самохин, Ирина Лазаренко

Сад зеркал

© Самохин Д., текст, 2019

© Лазаренко И., текст, 2019

© Иванов И., иллюстрации, 2019

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2019

Сад зеркал

Любой дилетант может извлечь кролика из шляпы; гений должен уметь извлекать шляпу из кролика.

Рекс Стаут

– Ваше последнее слово?

– Абракадабра.

«Престиж»

– Во, – чудом не разметав бутылки с пивом, хозяин водрузил на стол охапку мясистых щупалец. – Свежепойманные!

Со щупалец на землю капала вода, а запах у них был вяленый, острый и копчёный. Гость смотрел ошалело.

– Свеже. Пойманные, – с нажимом повторил хозяин в ответ на этот взгляд.

Гость потянулся к бутылке, долил в кружки пива. Пена весело шуршала, оседая, со щупалец бодро капала вода, собиралась в маленькие лужицы под столом.

Выпили. Закусили сыром и зелеными оливками с перчиком, которые привез гость. Потом, старательно сохраняя выражения лиц «а так и надо», взяли по свежепойманному копчёному щупальцу.

– Правда, откуда такие? – спросил гость, прожевав первый кусок.

– Из сада, вестимо, – ухмыльнулся хозяин в седые усы, откинулся на стуле и стал с прищуром смотреть в небо, изредка фукая на мух.

Они прилетали из виноградных зарослей, учуяв пролитое на стол пиво и упавшие наземь оливки с перчиком.

Гость поскреб щетину на подбородке.

– У тебя в саду пруд со встроенной коптильней, что ли? Или научная лаборатория? Что это за твари такие вообще, генетически модифицированные осьминоги с ДНК сервелата?

– Бабка твоя генетически модифицированная, – лениво огрызнулся хозяин. – С ДНК плавленого сырка. Сказал же, в саду нарвал закуску, чего прицепился?

Гость фыркнул. Хозяин неспешно доцедил пиво из кружки.

– Сказки это всё, про сад твой.

– Сказки ска-азочные, – охотно согласился повеселевший отчего-то хозяин. – Только не мои сказки, ихние они, деревянные.

Он взял кусок сыра и принялся жевать, усмехаясь каким-то мыслям. Гость обернулся на садовые ворота – основательные, кованые, от которых уходила и почти сразу поворачивала вправо узкая тропа. Лес это вековой, а никакой не сад, хотя деревья все разные. Они ухоженные, но какие-то... не такие. Слишком уж здоровенные, мощные и ветвистые, как будто растут здесь целую вечность и еще немного.

– Деревя-дверева. Они ж у меня не просто растения, они диковинные, из неоткуда проростки, и там живут, и тут живут, и показывают всякое, и сказывают, а то и в гости зайти позволяют. Не веришь, да? Ну, так сам сходи да посмотри, а? Сегодня пушу, добрый я, потому как оливки перчёные, животы у мушек золочёные, а ночь ясная будет, с неё не убудет.

Дурацкие приговорки раздосадовали гостя: он решил, что над ним издеваются и, в общем, не то чтобы ошибся. Вовсе он не собирался лезть в этот странный сад, вот еще минуту назад – не собирался, но и за столом сидеть ему вдруг перехотелось. Да вдобавок смотрел хозяин испытующе и лукаво, хмурая же хмельная решимость требовала, чтобы взгляд собеседника был не усмешливым, а уважительным, иначе дрянь это, а не собеседник.

– Только не сворачивай с дорожки, а то деревья повыдергают ножки, – продолжал нести тарабарщину хозяин. – Смотрился в них, как в зеркало, и понимай-соображай, на носу зарубай, хоть на своём, хоть на чужом, а ток дальше десятого дерева не ходи! Дальше дремучие тропки начинаются, сгинешь-пропадешь, костей не соберешь, а я искать тебя не буду, потому как нипочему, просто не буду, и всё!

Гость, не сводя взгляда с хозяина, оторвал от «закуси» еще одно щупальце, нашарил на столе бутылку и допил пиво прямо из горла. Зажевал, отряхнул руки и решительно зашагал к воротам сада.

1. Мировое Древо

Жизнь

Оно объединяет все планы реальности, проявления жизни и бинарные противостояния, что бы это ни означало, но самое главное в том, что Мировое Древо – не только начало и конец. Это еще и дорога.

Дмитрий Самохин **Ишибаши**

– Взгляни по сторонам. На районе опять стало беспокойно.

– О чем ты?

– А, так ты еще не в курсе. Вчера Дэнни Усатому оторвало голову, подбрось да выбрось.

– Ну, мало ли кто мог Дэнни голову оторвать. Между нами, он был еще тем хмырем, – Ник Красавчег состроил жуткую гримасу и подмигнул мне.

Меня всегда это жутко бесило. Интересно, почему его называли Красавчиком. Уж не за его щербато-кривую морду; правда, когда он гримасничает, его лицо растягивается, меняется и становится очень даже симпатичным. Вот только чтобы прослыть Красавчиком, ему нужно постоянно паясничать, впрочем, он так и делает. Стиль жизни.

– Да на Большом Истоке в последнее время тихо и спокойно, а тут безголовый Дэнни.

– Рано или поздно пробку должно было выбить, – флегматично заявил Ник и тут же преобразился. – А чего ты так кипишуешь, Крейн?

– Не нравится мне все это, подбрось да выбрось, – признался я.

– А кому нравится? У нас давно не было ничего стоящего. Живем, как в болоте. Кредиты, проценты, ипотека, счета, покер по выходным, бар по пятницам. Ничего стоящего. А тут голова оторванная. Разве это не жизнь?

– Бред, Красавчег. Кому потребовалась голова Усатого? Ему самому не очень нравилась его голова, иначе он не носил бы такие усы.

– Верно сказал, Крейн. Усатый был дурак. Но он был наш ишибаши. Теперь нам требуется новый ишибаши, а в городе я не вижу достойной кандидатуры, – Ник потянулся за стаканом, задел рукавом открытую бутылку с виски, уронил ее, резко дернулся и поймал в сантиметре от пола.

– А если Зиф Вертолет? – предположил я.

– Зиф на то и Вертолет, что ему уже не быть ишибаши, – возразил Красавчег.

Я тоже не удержался и налил себе виски в стакан. Присосался. Ядреная штука. Огненная вода с древесными опилками. Вот почему коренные готовы были за нее шкуру продать.

– Если не Зиф, то, может, Арти Смелчак?

– Он сейчас в Альпах, объезжает диких страусов.

– Серьезное занятие. Я бы побоялся, – признался я, допивая виски.

– Нам необходим кто-то новый. Из старожилов никто не подойдет на роль ишибаши. Нужна новая кровь. Кто у нас специалист по крови?

– Ваня Бедуин. Он постоянно в ней нуждается. Как можно жить без крови...

– Стало быть, нам придется договориться с Бедуином, чтобы он добыл нам свежака. И тогда вопрос с ишибаши будет решен, – заявил гордо Ник, и с его пальца, уставленного в небо, сорвалась искра.

– Я бы так не сказал. Еще надо все-таки выяснить, кто оторвал голову Усатому. А то повадится кто-то головы рвать, тут ни один Зеленый не поможет, – возразил я.

– Тут ты прав, Крейн, – задумался Красавчег. Из его пальца заструился дымок, словно после неудачного выстрела.

– А то как же, подбрось да выбрось. Если мы не можем обезопасить своего ишибаши, то мы расписываемся в своем бессилии. Весь наш район рухнет в тартарары, и мы вместе с ним.

Ник хмурился, кривлялся, отчего становился все красивее и красивее. Будь я бабой, давно бы на него заскочил. Он же, чертяка, этим постоянно и пользуется.

– Я предлагаю решать проблемы по мере поступления. Поэтому сначала мы поедем в «Зажигалку», попытаемся найти Бедуина и договориться. Он там постоянно обретаётся.

– Скажешь тоже, «Зажигалка» – любимый бар Большого Истока. Весь район там периодически зависает. Так что если Бедуин не там, то он либо в хламину ужратый и спит в своей берлоге, либо гуляет снаружи. Тогда ждать придется долго. Пока он вернется, нажрется и ото-спится. Между прогулками он любит покуражиться на районе.

– Зачем ты мне это рассказываешь? Я с Бедуином с пеленок знаком. Вместе первые кренделя заделывали. Хотя Бедуин сейчас не тот. Спивается, бродяга... – с сожалением покачал головой Ник.

– Каждый выбирает свою дорогу. Раньше ты зависал с Бедуином, теперь со мной, подбрось да выбрось.

– Ты прав, Крейн. Ну что, полетели? – Красавчег с надеждой посмотрел на меня.

– Полетели.

И мы полетели.

* * *

Полет – штука весьма опасная и неоднозначная. До сих пор не могу к нему привыкнуть. Нет соприкосновения с твердой поверхностью, и все время кажется, что я никуда не лечу, а вечно падаю. Согласитесь, очень неприятное ощущение. Да и внизу живота все время жмет, словно хочется отлить. Но ведь не хочется. Я перед полетом всегда отливаю, чтобы не опозориться в воздухе. И это только личные фобии, а сколько непредвиденных опасностей может поджидать в пути! Грозовые тучи, электрические облака, перелетные птицы, неожиданно норовящие вас протаранить, да весельчак Злой, патрулирующий небо над районом и так и норовящий пошутить. Только вот шутки у него очень злые. То ветер найдет да круговерть, то сочинит какую-нибудь страшную иллюзию, например, землю спрячет. На то он и Злой.

В небе шалит Злой, на земле озорует Зеленый. Хорошо живем!

Сегодня мы долетели без приключений. Приземлились на посадочной площадке и сразу направились в бар, занимавший первый этаж невысокого здания из серого кирпича, построенного еще в прошлом веке. В нашем районе высоких зданий нету: все по два-три этажа. Самое высокое – пятиэтажное здание районной управы – находится на другом конце Большого Истока. Я там никогда не был, а Ник Красавчег говорит, что и делать там нечего. Подальше от начальства, поближе к спокойной жизни. Тем более в управе заседает фиктивная администрация района, так сказать, для галочки и остального мира. Мы свои дела привыкли решать сами. По многим вопросам народ доверие оказывает мне и Нику, а мы стараемся не облажаться.

Бар «Зажигалка» в этот вечерний час был полон. Множество лиц, сборище всего Большого Истока, зажигательный смех, пьяная болтовня за столами, игра в карты на деньги в дальнем углу, Катка Провокация под музыку медленно раздевается у шеста. Приглушенный свет. Все, что нужно для приятного времяпрепровождения.

Владеет баром Стен Липкий, он перебрался к нам на район десять лет назад по решению суда «о принудительном выселении альтеров». Что делать... бояться они нас. Хотя иногда в карты поиграть заглядывают.

Мы пробрались сквозь толпу людей, клубящихся между столиков, к барной стойке. Сегодня смена Марка Щупальцы. Он неподвижно стоял возле кассового аппарата и наблюдал за залом сквозь громоздкие очки с большим увеличением. Водрузившись за стойку, мы потребовали угощения. Я, как всегда, бокал темного пива. Ник Красавчег решил градус не понижать и попросил виски. Если он наклюкается, мне придется в одиночку все дерьмо разгрести.

Марк заказ принял и распустил щупальца. Он продолжал изображать из себя статую, в это время пустой бокал поднялся из мойки, перелетел под пивной кран, который тут же

открылся. Початая бутылка виски поднялась из бара, встала на стойку, рядом приземлился пустой стакан. Бутылка откупорилась и наплескала туда виски на два пальца. Пара кубиков льда проплыли над стойкой и упали в стакан. Наполненный до краев бокал пива встал призывно передо мной.

Марк прекрасно справляется с работой. Его невидимые щупальца вовремя и аккуратно выполняют любые заказы.

– Слышь, Марк, – отхлебнув виски, заговорил Красавчег, – ты не видел тут Ваньку Бедуина?

– Зачем вам упырь?

– Да дело одно есть. Важное, – не спешил докладывать Ник.

– Час назад видел его за столиком Димы Стекляшки. Может, до сих пор там обретается, – равнодушно сообщил Марк.

Вот что с ним такое. Вроде бы и парень популярный, но все время какой-то мерзлый. Ничем его нельзя расшевелить и оттаять. Месяц назад в его баре Громила и Барри Бульдог поссорились, разнесли заведение в щепки и камешки, а ему хоть бы хны. Даже глазом не моргнул, когда Бульдог Громилу на части рвал.

Ник залпом допил виски, подмигнул мне, мол, идти пора. Но я пока не был готов – пиво еще не кончилось, к тому же на разговор с отморозком Бедуином еще настроиться надо. Ведь у него на уме только одно – свежая кровь. Упырь, подбрось его и выбрось, что с такого взять.

Красавчег, чтобы не ждать молча, пока я с пивом управлюсь, заказал себе еще виски.

В это время двери бара распахнулись, и на пороге показался Зеленый собственной персоной. Все разговоры в зале смолкли, и лица обратились к входу. Нечастый гость – Зеленый. Он был, как обычно, навеселе и держал в руке жестяную банку «Протоки № 3». Любого другого со своим спиртным за порог выкинули бы, но с Зеленым даже Бульдог боялся связываться. Недаром тот держал весь район в ежовых рукавицах. Тех, кто с законом в ладах, Зеленый не трогал, а вот остальным, кто по темной стороне улицы любил гулять, Зеленый диктовал свои условия, и не дай Творец ослушаться. Зеленый, хоть и без охраны ходит, но никто в его сторону даже косой взгляд не бросит. Зеленый – он с самой матушкой природой в сговоре. Последний раз три года назад его пытались на слабо пощупать, так он наглеца заживо набил изнутри травой. Тот умер в страшных муках. Что говорить, его даже Обчество уважает.

Проходя мимо барной стойки, Зеленый приложил два пальца правой руки к брови и козырнул.

– Приветствую преподобного Крейна.

– И тебе того же, – пробурчал я.

– Щупальцы, мне как всегда.

– Будет сделано, Зеленый, – отозвался Марк.

Я допил пиво, попросил повторить и с полным бокалом в сопровождении Ника Красавчега отправился на поиски Бедуина.

Он, и правда, оказался за столом у Димы Стекляшки. Как всегда, Дима просвечивал, но еще не выпал окончательно в невидимость. Для этого ему требовалось еще литра три пива или торпедировать ситуацию бутылкой водки. Но настроение у Стекляшки нездоровое. Хмурится, зараза, да что-то бормочет под нос. Наверное, опять на жизнь жалуется, только вот желающих выслушать его нет. Ванька Бедуин сидит напротив. Сухощавый, лысоватый, лет за сорок и бледный, точно из него всю кровь выкачали и заменили молоком. Видно, давно на свободу не ходил. После прогулки он обычно возвращается сытым и красномордым. Что поделать, упырь!

Я приземлился за стол по левую руку от Бедуина. Ник Красавчег – по правую.

Ване наше появление не понравилось, но он смолчал. Булькнул в нутро рюмахи водки, закусил бутербродиком черного хлеба с полукопченой колбасой и жадно зевнул.

– Чего надо?

– А надо нам, Ванюша, самую малость. Пригони нам со свободы свежего человечка. Ты же слышал, что произошло с Усатым, – ласково так произнес Ник, словно в постель его уговаривал. Тьфу, мерзость какая.

– Здесь все слышали, что мы без ишибаши остались. Но я тут при чем?

– Ваня, не строй из себя жалкого поца. Только ты на свободу как к себе в сортир ходишь. Только тебя при возвращении не обыскивают до ануса. Только ты знаешь тайные норы. Стало быть, кто, как не ты, может достать нам свежего человечка, – медленно произнес я.

Так и думал, что он сначала заартачится. Цену себе набивает, скотина. Давно пора ему осиновый кол в сердце вогнать, зараза жадная.

– В последнее время на волю ходить сложнее стало. Пасут нас по обе стороны забора, – задумчиво произнес Бедуин.

– Пасут-то пасут, только все равно норы не закопали. А то закроют проход, стоит только Зеленому и Злому шепнуть. Тогда совсем голодная амба придет, – намекнул Красавчег.

– Ну, нельзя же так, – разнылся Бедуин, сильно испугавшись голодной амбы. – Я же ничего никому плохого не делал.

– Плохого нет. Только не по доброте твоей душевной, а потому что наша кровь для тебя – гадость ядовитая. А так, я уверен, ты давно бы всем нам горла поперегрызал. Так что не строй из себя мать Терезу, а добудь нам человечка, – отрезал я его хныканья. – Ты когда на ту сторону идешь?

– Через два дня собирался.

– Сегодня ночью надо! – приказал Красавчег.

– Но я не могу! Я выпил! Засыплюсь на первой же трубе, – опять расхныкался Бедуин.

– Это твои проблемы, болезный. Идешь на волю сегодня. Завтра нам нужен человек. К пяти вечера. Приведешь в Храм, – распорядился я.

– Хорошо, преподобный Крейн, – смирился со своей участью Бедуин.

– И смотри там, чтобы без шуток и выкрутасов, – предупредил Красавчег.

Больше нам нечего делать за столиком. Да и Стеклышко начал нервничать, мерцал, то становился абсолютно прозрачным, то набирал плотность, цвет и объем. Чего доброго, протрезвеет окончательно, а у трезвого Димона прескверный характер: ворчит постоянно и занудничает, словно старый дед. И ведь что самое неприятное, собака, всех нас переживает. Он когда становится стеклянным, молодеет. Так что либо от него все спиртное прятать да на сухой паек сажать, либо запереть где-нибудь в тюремном подвале до самой старости, чтобы ни капли в рот не попало. Первый способ пробовали, только Димон быстро прекратил непотребство. Когда друзья-товарищи за ним перестали наблюдать, добрался до бутылки и омолодился. Так что теперь только пожизненное осталось. Но пока терпим и жалеем.

Вернувшись к барной стойке, Красавчег стукнул рюмкой и попросил счет. Я попытался дотянуться до бумажника, но Ник настоял, что за все заплатит сам.

– Куда мы теперь? – спросил он.

– Надо бы проверить место преступления. Может, остались следы. Завтра у нас будет новый ишибаши, но за старого надо отплатить, а то и новый долго не проживет, подбрось да выбрось, – предложил я.

– Верно говоришь, – согласился Ник.

– Где Дэнни голову оторвали?

– В районе Вилки. Тут недалеко.

– Я знаю. Пешком пройдемся.

Мы покинули «Зажигалку». Зеленый добавил градуса и уже пытал взывшимися из воздуха тугими лианами нашего добряка-библиотекаря, Цера Хаоса.

* * *

– А ты Усатого хорошо знал? – неожиданно спросил меня Ник.

Мы находились в двух шагах от Вилки. Так назывался район, где Петровский проспект (одно только название, жалкая грязная улочка) раздваивался и обтекал двухэтажное здание. На первом этаже находился супермаркет «Вилка», где даже ночью, несмотря на запрет властей, можно было купить любое спиртное, второй этаж занимал известный всем бордель «По-пластунски», замаскированный под оружейный магазин. Официально бордельная деятельность была запрещена в стране. Общие законы Большой земли распространялись и на Большой Исток. Поэтому приходилось маскироваться, чтобы проверяющие комиссии, не знакомые с нашей топонимикой, ничего не заподозрили. А так мы всегда живем по своим внутренним законам.

– По работе часто приходилось общаться. Он приходил ко мне, – задумчиво произнес я, вспоминая Дэнни.

Усатого привел три года назад Бедуин, когда прежний ишибаши умер от старости. Ему было сорок четыре года. Что поделаться, ишибаши в Большом Истоке долго не живут. Дэнни тогда был совсем молодым пареньком, и тридцати еще не было. Усов он тогда не носил. На свободе бродяжничал и подрабатывал разнорабочим, где что прикажут. Мы предложили ему отличный контракт. Если прослужит десять лет на районе и не умрет от старости, то выйдет на свободу богатым человеком. Впрочем, кое о чем мы умолчали. Мало кому довелось дожить до конца контракта...

Усатый был веселым, беззаботным парнем. Любил жизнь отчаянно. Часто зависал в «Зажигалке», был душой любой компании. И его все любили. Кто же мог убить его? Еще и настолько зверским способом. Тут подумать надо.

– Вот здесь ему и оторвали голову, – Ник показал в сторону фонарного столба.

– Когда это случилось?

– Ночью. Часа в три. Карма сейчас занимается телом. Отчет будет готов к пятнице.

Карма наш судмедэксперт, чудная и суровая женщина.

– Что ишибаши мог делать в три часа ночи под этим фонарем? – задался я законным вопросом.

– Может, за опохмелом ходил? – предположил Красавчег.

– Или к девицам заглядывал, – выдал я свою версию. – Но сначала заглянем в «Вилку», может, они что и знают.

Мы заглянули, впрочем, это нам ничего не дало. В «Вилке» никто не видел Дэнни. Он к ним накануне не заходил. Стало быть, вариант только один – идти в заведение «По-пластунски». Вероятно, им что-то известно.

Давно я не заглядывал к веселым девчонкам, с тех пор, как принял сан. Да и с моими способностями не по борделям разгуливать. Я каждого человека вижу как на ладони. Какое тут удовольствие, если я буду знать, о чем размышляет партнер во время процесса.

Поднявшись на второй этаж, мы вошли в оружейный магазин. Не обращая внимания на колюще-режущие и огнестрельные игрушки, прошли во внутреннее помещение. Продавец Коля нас, казалось, и не заметил. Узкий коридор, и мы оказались у стойки администратора. Полуголая девица мирно дремала в кресле и не обратила на наше появление внимания, пока Ник не плюхнулся в кресло рядом и не соорудил одну из своих обаятельных рож.

– Что вам надо, господа? – спросила тут же проснувшаяся девица, обращаясь к Нику. Потом она заметила меня и разом поскуучнела. Преподобный Крейн редкий гость в заведениях подобного типа.

– Убили Усатого Дэнни. Вот хотели бы узнать, не появлялся ли он у вас вчера? – спросил, отвлекая девушку на себя, Красавчег.

– Да, он был у нас.

– С кем отдыхал?

– С Натой Рыжей. Он у нее последнее время зависает, – с готовностью доложила девушка.

– И что, он у вас частый гость? – спросил я.

Девушка отчего-то смутилась, но все же ответила:

– Да уж... Постоянный. Почти всех перепробовал. Только он подолгу зависает то с одной, то с другой, а в последнее время – с Натой.

Я знаю всех жителей Большого Истока. За долгие годы служения через Храм прошли многие, но сотрудницы увеселительного заведения редко заглядывали ко мне. Предпочитали заботу о душе отложить на потом. Но Нату Рыжую я знал. Вполне приличная девушка, ничем особо не отличающаяся, кроме того, что характер у нее взрывной. Уж если припекло, может воспламенить даже молоко. Но девушка добрая, голову Усатому оторвать не могла. Хотя разгадка этого преступления лежит именно в заведении, чувствовал я.

– Мы можем поговорить с Натой?

– Подождите, я спрошу Мамашу Змею.

Конечно, такие дела самостоятельно не решаются. Девушка вскочила с кресла и, подрагивая грудями, упорхнула за портьеру.

Ждать пришлось недолго. Вскоре появилась Мамаша Змея. Дородная женщина в возрасте, раскрашенная, словно балаганный индеец, разодетая в искусственные меха. На груди массивные стеклянные бусы.

– Чем могу вам помочь, преподобный Крейн?

– Я хотел бы поговорить с Натой Рыжей.

– Отчего же не поговорить. Поговорить – это всегда пожалуйста! – засуетилась Мамаша. – Следуйте за мной.

Она привела нас в маленькую комнатку с диванчиком, стеклянным столиком, на котором лежал незаконченный пасьянс, и двумя креслами.

– Подождите здесь, – попросила Мамаша, потом заметила пасьянс и зашипела как змея. – Вот Касси зараза, опять свое гадание оставила! Будет срать и не убирать, запрещу ей подрабатывать!

Я скривился. По выражению моего лица Мамаша догадалась, что мне неприятно выслушивать подробности, поспешно извинилась и покинула комнату.

Она больше не возвращалась. Ната Рыжая пришла сама. Девушке хватило ума надеться в более строгую одежду, чем обычно: видно, предупредили, что ее ждет священник.

– Добрый вечер, преподобный, – поздоровалась она.

– И тебе добрый, – кивнул я ей в ответ. Ник осклабился, превращаясь в красавчика. Ната его узнала, видно, приходилось раньше зависать с Красавчегом.

– Что потребовалось преподобному и шерифу от меня? – спросила девушка.

– Ты слышала, что Дэнни Усатому голову оторвали? – спросил я.

– Да. Какой ужас... Жалко парня. Кто мог поднять руку на ишибаши?

Ната Рыжая скуксилась, того и гляди заплачет. Я взглянул на нее своим особым взглядом и удивился: надо же, не врёт. Ее чувства были искренними. Ната и вправду была очень расстроена смертью ишибаши.

– Это мы и хотим выяснить. И ты должна нам помочь. Расскажи, как прошел вчера вечер с Дэнни, – ласково попросил Ник Красавчег.

Девушка рассказала. Слава Творцу, опустила подробности, видно, из уважения ко мне. Во время ее рассказа я почувствовал озарение. Кажется, я знаю, кто мог убить Дэнни! Только

все это выглядело очень неубедительно... Если бы он был одним из нас, то никаких сомнений. Но он был ишибаши, а на ишибаши грех руку поднимать.

– А кто до тебя встречался с Дэнни? – спросил я, когда девушка закончила свой рассказ.

– Катька Злючка.

– Долго они встречались?

– Несколько месяцев.

– А до этого? – поинтересовался я.

– Кажется, Нелли. Просто Нелли.

– И с ней он встречался несколько месяцев? – предположил я.

– Да.

– Интересно. А с тобой Дэнни встречался не так давно, сколько, как ты думаешь, мог продлиться ваш роман?

Девушка взглянула на меня с вызовом.

– Он говорил, что я у него последняя. И больше никого не будет. Мы навсегда вместе.

Она верила себе. Я видел это своим особым зрением.

– У нас больше нет вопросов. Позови, пожалуйста, Мамашу Змею, – попросил я.

* * *

Мне раньше никогда не доводилось вести такие необычные дела. На нашем районе часто возникают разногласия, на то уж он и Большой Исток. То Зеленый что-нибудь отчебучит, построит новичков и начнет учить их уму-разуму, или возьмет в заложники клиентов «Первого городского банка», требуя «свободу! равенство! братство!». То Бульдог с Громилой опять сойдутся в неравном поединке, оставляя после себя руины. То Злой спустится на землю, засядет в каком-нибудь баре да после пары-тройки бутылок возомнит, что люди на него косо смотрят и все его ненавидят, после чего начнет отчаянно мстить человечеству. Да мало ли что у нас на районе случается. Все мы люди, все мы человеки. Потому и проблем, и разногласий у нас море, ничуть не меньше, чем у свободных. Только вот никто раньше не покушался на ишибаши. Он для нас священный символ, неприкосновенный и почитаемый, не дающий забыть никому из нас, кто мы такие и откуда вышли.

Мы не стали откладывать суд и назначили его на следующий день после визита в веселое заведение Мамаша Змеи. Ник Красавчег арестовал преступника и продержал его под замком до поры до времени.

По традиции, суд должен был проходить в здании Храма. Мы назначили его на полдень, но за полчаса до срока в зал стали стекаться люди со всех концов Большого Истока. Никогда еще ни одно заседание не собирало такого количества зрителей. Как же! Мы собирались судить убийцу ишибаши. Все были потрясены трагическим событием. Многие до сих пор не могли прийти в себя. Ну да ладно... К вечеру все будет улажено. Ваня Бедуин приведет нового ишибаши, но пока народ чувствовал себя очень неуверенно. Мы должны были показать, что никто не уйдет безнаказанным. За убийство ишибаши полагалась смертная казнь, и будьте уверены, мы казнили бы даже самого Кощея Бессмертного. К тому же далеко ходить не надо: он живет на улице Мансурова, в трех кварталах от Храма. Тихий, мирный беззубый старичок. Увидишь его и не поверишь, что когда-то он был злодеем, каких свет не видывал.

В полдень все скамьи Храма были заполнены народом. Люди даже стояли на хорах и в проходах. По моему распоряжению двери Храма закрыли. Теперь до вынесения приговора их не откроют. А дело нам предстояло непростое, не всё в нём так однозначно...

Кресло судьи занял Илья Гром, старый аптекарь с Сокольницкой улицы. Уже одно это событие вызвало волну возмущения. Обычно кресло занимал я. Все привыкли, что судья – преподобный Крейн. А тут такая замена. Но я не мог рассматривать это дело. Потому что

разобрался в нем до конца и теперь должен был донести свое видение проблемы до каждого сидящего в зале. Я вызвался быть адвокатом.

Я занял стол напротив судьи, рядом приземлился Ник Красавчег, представлявший сторону обвинения. Он тут же подвинулся ко мне поближе и шепотом спросил:

- Ты точно уверен в том, что делаешь?
- Безусловно, подбрось да выбрось, – ответил я.

Громила и Бульдог ввели подсудимого. Вернее, подсудимую: Катю Злючку из заведения Мамаша Змеи. Та тоже здесь присутствовала и должна была выступать в роли свидетеля. Злючку засадили в зарешеченную клетку позади меня и заперли. Хотя, если она разозлится, то и стальные прутья девчонку не удержат. Голову Дэнни Усатому она оторвала с легкостью, словно спелый помидор с ветки.

Началось заседание. Сначала выступил Ник Красавчег, предоставил судье и всей почтенной публике, собравшейся в зале, факты, собранные нами. Дэнни Усатый посетил заведение «По-пластунски», покинул его в три часа ночи, но далеко не ушел. Возле супермаркета «Вилка» его встретила Катя Злючка и оторвала голову. Свидетелей при этом не было, но преподобный Крейн может под присягой подтвердить, что все происходило именно так. Как известно, от преподобного Крейна ничего не утаить, он видит человека насквозь. Пришлось подниматься и свидетельствовать, что да, именно так. Вижу насквозь, убила Злючка.

В зале поднялся шум. Кричали с мест:

- Чего ее судить! И так все ясно!
- Смерть ей!
- Казнить за ишибаши!..

Я поднял руку над головой, призывая людей успокоиться, но они не вняли мне. Тогда Ник Красавчег пустил из пальца файербол, который взорвался под потолком и рассыпался миллионом искр на окружающих.

- Призываю к спокойствию, – ударил судейским молоточком себе по пальцу Илья Гром. Народ затих, но не успокоился.

Красавчег вызвал и допросил свидетелей: сперва Мамашу Змею, Нату Рыжую и Нелли, затем Диму Стекляшку, Марка Щупальцы и Громилу, в компании которых Дэнни Усатый часто напивался. На закуску выступил небритый Зеленый. Он громогласно заявил с трибуны, что Усатый ему никогда не нравился, да и человек он был говно, но справедливость должна восторжествовать, а преступника надо казнить, ведь нельзя же так, в самом деле.

Я взял слово последним и обратился с вопросом к Кате Злючке:

- Какие чувства вы испытывали к Дэнни Усатому?
- Злючка задумалась. Видно, не хотела отвечать, но все же переборола себя.
- Я его любила.
- Когда Дэнни встречался с вами, какими словами он характеризовал ваши отношения?
- Что всегда будет со мной. Ему никто больше не нужен, – смело произнесла Злючка.
- А его не смущало место, в котором вы работали? – уточнил я.
- Когда мы имеем постоянного клиента, то больше ни с кем не встречаемся.
- И что произошло потом?
- Он ушел к Натке Рыжей... зараза, – Злючка с трудом удержалась от фразы позабористее.

- Вы можете сказать, что убили Дэнни Усатого из ревности? – спросил я.
- Протестую! – подскочил со своего места Ник Красавчег. – В вопросе содержится ответ.

Это недопустимо.

- Протест принят, – согласился Илья Гром. Но Катя Злючка всё же ответила:
- Да, я убила его из ревности.

Этого свидетельства мне не хватало для завершения картины преступления.

Настала пора заключительной речи. Первым выступал обвинитель. Ник Красавчег заявлял, что вина подсудимой доказана, и требовал для нее смертного приговора. В обычном мире на свободе казнить Катю Злючку, наделенную сверхчеловеческой силой, было бы очень трудно. Она любую стальную решетку разогнет, бетонную стену разрушит, взвод охранников уложит. У нас же на такой случай есть Тони Палач. Он справится с любым. На то он и Палач.

– Мы не такие, как все, – начал я свою речь. – Обычные люди боятся нас, поэтому любого человека, наделенного сверхчеловеческими талантами, они вычисляют и ссылают к нам на район. Большой Исток – это гетто для сверхлюдей, для таких, как мы. Нас отделили от остального человечества непреодолимым барьером, и они спокойны, потому что мы далеко. Хорошо и нам, потому что мы живем в мире и понимании друг с другом. И никто не говорит нам, что мы уроды, выродки или мутанты. Когда-нибудь все человечество станет «альтерами». Быть может, мы новая ступень эволюции. А пока мы просто хотим жить. Кто для нас ишибаши? Священный символ, объект поклонения. Ишибаши – это обыкновенный человек. Такой, как все те люди, что живут за стеной, на свободе. Зачем нам нужен ишибаши? Один простой человек среди тысячи мутантов? Чтобы мы не забыли, кто мы такие. Потому что в среде, где сверхспособности – норма, люди воспринимают их как нечто само собой разумеющееся и перестают помнить, что для остального мира они мутанты. Ишибаши не дает нам забыть нашу природу и нашу ступень на лестнице эволюции, которая находится чуть выше, чем место *homo sapiens*. Именно поэтому мы приводим в Большой Исток одного простого человека, заключаем с ним контракт и позволяем ему жить среди нас. Мы платим ему солидные деньги за то, чтобы чувствовать свою особенность и видеть то, какими мы уже никогда не станем... Поэтому ишибаши священен для нас, и его убийство карается смертной казнью.

В горле пересохло. Я сделал паузу, налил себе стакан чистой воды и выпил. Люди в зале молчали и ждали продолжения моей речи.

– Убит Дэнни Усатый. Убит наш ишибаши. Его убила Катя Злючка. И вроде бы все ясно и понятно. Но давайте взглянем на эту проблему с разных сторон. Кто для нас был Дэнни Усатый? Друг, собутыльник, сосед. Он всегда был среди нас и повсюду. Никто и помыслить не мог ни одного мероприятия без участия Дэнни Усатого. А теперь давайте вспомним, как мы относились к предыдущим ишибаши. Мы сторонились их, мы держались от них подальше. Никому бы и в голову не пришло пригласить ишибаши вечером в пятницу в «Зажигалку» пропустить по кружечке пивка! По сути, предыдущие ишибаши проживали свою жизнь изгоями. Они ни в чем не нуждались, могли даже обеспечить безбедную жизнь своим семьям на свободе, но сами были обречены на одиночество в Большом Истоке. Дэнни Усатый, наоборот, пользовался огромной популярностью. Подбрось да выбрось, он перепробовал всех девчонок в заведении Мамаши Змеи, и каждая была в него влюблена. Но почему? И вот тут напрашивается единственный ответ. Когда я понял это, первым делом отправился в морг. Как вы знаете, я вижу человека насквозь, будь он альтер или ишибаши, без разницы. Но тут мне пришлось работать с трупом. И мне удалось разговорить мертвеца. И я убедился в верности своей догадки: Дэнни Усатый не был ишибаши. Он был одним из нас. Он был альтером.

В зале поднялся невыносимый шум. Я чувствовал, как сотни глаз буравят мне спину. Даже Ник Красавчег уставился на меня так, словно подозревал, что тело преподобного Крейна захватили враждебные инопланетяне.

– Призываю зал к порядку! – вновь лупанул судейским молоточком себе по пальцу Илья Гром, но его никто не слышал.

Ник Красавчег применил свой коронный метод – запустил файербол к потолку. Придется вечером вызывать Сэма Паука, чтобы он помыл потолок, а то Ник его совсем закоптил огненными шарами.

Постепенно зал успокоился, и я продолжил речь.

– Да. Вы не ослышались. Я утверждаю, что Дэнни Усатый был альтером. Когда Ваня Бедуин привел его к нам на район, он был типичным ишибаши, в этом нет никаких сомнений. Я сам осматривал его. Но общение с нами разбудило в нем спящие способности, которые в обычном мире, на свободе, могли бы вообще не проявиться. Я прямо-таки слышу, как вы спрашиваете, что это за способности такие. И я отвечу вам. Подбрось да выбрось, он умел располагать к себе людей. С первого же слова он заставлял собеседника проникнуться симпатией к нему, заставлял доверять себе, влюблял в себя. Я могу прочесть человека, внушить ему какие-то мысли, но это все будет чужеродным. Дэнни пробуждал чувства. Для свободных людей – страшная способность. Вот поэтому он влюбил в себя всех девчонок Мамаши Змеи. Вот поэтому он всегда был желанным гостем за каждым столом в «Зажигалке», любой из нас был рад распить с ним бутылочку пива. Он был нашим другом. И теперь я снова задаю вопрос: виновна ли Катя Злючка в убийстве Дэнни Усатого? И да, и нет. Она убила, факт. Но убила под воздействием его же чар. Это смягчающее обстоятельство. И что очень важно – она не убивала ишибаши. Я все сказал, подбрось да выбрось.

Опустившись в кресло, я наслаждался тишиной, повисшей в зале. Налил себе стакан воды, выпил и посмотрел на Ника Красавчега. Он был ошеломлен услышанным. Такого в нашей практике еще не было... Оставалось только дожидаться приговора суда, а потом можно было и в «Зажигалку» закатиться, чтобы как следует выпить.

Илья Гром не тянул с приговором. Катю Злючку осудили. Правда, дали всего два года в Доме Покоя. Все лучше, чем смертная казнь за убийство ишибаши. Последние часы она прощалась с жизнью, а теперь ее ждали два года небытия в Доме Покоя. Хороший обмен. Выгодная сделка. Злючка была просто счастлива.

Зал встретил приговор судьи Грома приветственным гулом.

– Ну что, еще одна наша маленькая победа? – спросил Ник и соорудил обаятельную гримасу.

– Несомненно, подбрось да выбрось, – сказал я.

К вечеру этого дня Ваня Бедуин привел нам нового ишибаши.

Ирина Лазаренко

Где твои корни, древ-ний?

Если кто не знает, люди – бесхвостые и гладкокожие. У них нет ни гребня на голове, ни перепонки между пальцами, тонкая кожа похожа по цвету на мясо печёной рыбы, лица – плоские, на них растут волосы, а телом люди широки, коротконоги и неповоротливы.

– Ты выбрал хороший клинок, древ-ний, – говорит мне человек-торговец.

Говорит и накручивает ус на палец, не иначе как прикидывая, сколько сможет содрать с меня за этот меч, и готовясь до хрипоты держаться за назначенную цену. Видел я таких важных, хех, на болоте их черепушки грудками сложены.

Меч хорош, меч очень хорош. Он длиннее и шире, чем те клинки, что люди делают для себя, но с широким долом и лёгкий, как листья ульмы, в которых запекают рыбу. Широкая гарда, длинная рукоять, навершие в виде гриба-боровика. К мечу полагаются ножны с «птичкой» для наконечника, обшитые изнутри коротким мехом неизвестного мне зверя. Ножны вкусно пахнут кожей.

– Древ-ний с мечом. А я уж думал, никогда такого не увижу, – говорит торговец, и в голосе его я слышу настоящий интерес, живой.

Люди привозят в Озёрный край много утвари, много наконечников для копий и стрел, но почти не возят мечей, потому что древ-ние редко пользуются ими. Еще реже люди привозят мечи, сделанные под нашу руку, и у меня чешуя на хвосте становится дыбом, когда я думаю, сколько торговец может потребовать за этот клинок. Но выпускать его из рук я не намерен.

Я собираюсь обучиться мечному бою и принести своему семейству голову агонга. Эту тварь не всякий древний стрелами и копьями уложит, а уж в ближнем-то бою... Но у меня свои счёты к агонгам, к тому же я собираюсь стать лучшим среди молодых воинов семейства, лучше, чем Джа'кейрус. И это мне, а не ему, должны достаться Дар-Тэя и самая большая озёрная запруда у корней Древа!

– Не на продажу меч-то берешь, – мелко кивая, говорит торговец. – И не для цапок.

Я перехватываю рукоять двумя руками, крепче упираюсь пятками в землю, как учил Паджитус Наставник. Замах и удар, уход и укол, разворот и. тут я сбиваюсь, как всегда, и с досады хлещу хвостом по траве.

– Две склянки рыбьего жира, двадцать листов ульмы и ковш икры, – решает торговец, – и чтоб икра была хорошо просоленной. Я проверю.

Я киваю и жду еще немного, но человек больше ничего не добавляет.

Адития Старейшая говорит, на заре сейчашнего мира, когда древ-ние были сильны, мы позволили людям жить лишь для того, чтобы обрабатывать металл. Самим нам негоже было браться за такой тяжелый труд, а орки уже были заняты земледелием и разведением скота.

Никто, кроме людей, не может привезти сюда меч, и я едва пережил зиму, дожидаясь, пока торговцы потянутся через Озёрный край. Всю зиму я тревожился, что их пути могут измениться, что они не придут, что у них не найдется подходящих клинков, или у меня не хватит товаров на обмен.

О Древо, ну и почему я теперь не прыгаю от радости?

– Это недорого, – говорю я. – Почему ты просишь такую цену за хороший меч, что скрываешь?

– Ничего, – он пожимает плечами. – Но в твоих движениях я узнаю начальную выучку Паджитуса, а я не очень-то обожаю Паджитуса: у него скверный характер, тяжелый взгляд и талант сбивать цену. А ты, как следует из твоей ловкости, доставишь ему кучу хлопот. Потому я отдаю тебе меч не задорого.

Я вовремя вспоминаю, что бить торговцев нельзя, а когда я наконец придумываю хороший ответ на его слова, он уже не обращает на меня внимания и приветственно машет другим древ-ним, которые идут по тропе. Среди них есть малышня, и человек достаёт сладкие хрустяшки на палочках: малышня прибежит на их запах, а следом подойдут старшие.

Много-много древ-них стягивается к поляне, где остановились люди со своим товаром, я-то пришел сюда одним из первых, на рассвете. И теперь, когда самая торговля только начинается, я иду обратно к своему Древу, прижимая к груди ножны с мечом и вежливо кивая знакомым семействам.

* * *

– Мне нужно бежать, – весело говорит Дар-Тэя и пытается выдернуть руку из моей ладони, но едет ногами по влажной прибрежной траве и хохочет.

– Нет, не нужно – отвечаю я, обвиваю её колени хвостом, и в горле у меня сладко трепещет что-то.

Дар-Тэя смеётся, но тут же становится серьёзной и отстраняется – кажется, ей правда нужно бежать.

– Пусти, Тимд’жи! Мне надо! Меня Адития просила!

Я тут же убираю хвост с ее коленей и выпускаю руку, хотя не очень-то легко отпустить руку с такими нежными межпальцевыми перепонками. Но Адития Старейшая – это серьезно, даже серьезней, чем моя радость от нового меча, которой я едва успел поделиться с Дар-Тэей.

– Адития велела купить такие тонкие кусочки металла, – скороговоркой поясняет она, суетливо поправляя ожерелье и пояс, и ракушки на них восхитительно и призывно постукивают. – Такие кусочки. Тонкие и колются.

– Иглы, – говорю я.

Дар-Тэя фыркает.

– Никакие не иглы. Я же говорю, они из металла, тонкие, чтобы только колоть, а не шить!

– Зачем Адитии что-то колоть?

– Она хочет лечить гниль, – Дар-Тэя озабоченно морщит лоб, и чешуя на её лице переливается на солнце – тёмно-зелёным, сочно-желтым и почти чёрным в тех местах, где получают складки. – Я тебе потом расскажу, ладно? Мне бежать надо.

И она в самом деле убегает, очень быстро, длинными прыжками, сильно размахивая хвостом, под стук ракушек на поясе. Трава под её ногами приминается и тут же выпрямляется снова, и в воздухе веет её свежей горечью.

Ерунда какая-то. Гниль костей, которая убивает нашу малышню и стариков, а иногда даже выкашивает целые семейства вместе с Древами – её нельзя вылечить, это все знают. При чём тут иглы из металла?

– Тимд’жи! – кричит откуда-то невидимый Паджитус, и я верчу головой, пытаюсь понять, куда мне сейчас нужно будет мчаться. – Тимд’жи, тащи сюда свой хвост, или мы без тебя пойдем!

Справа, со стороны болот. Значит, сегодня тренируемся на склизких брёвнах, а кто свалится – будет весь вечер выскребать тину из-под чешуи. И Джа’кейрус наверняка постарается сделать всё, чтобы с бревна упал я. Нет уж, такого унижения я терпеть не намерен, а вечером собираюсь плавать в озере под корнями Древа. Вместе с Дар-Тэей, если она сегодня предпочтёт меня, а не Джа’кейруса... и я могу этому поспособствовать, уронив с бревна его – пусть отмывает болотную грязь в ручье на опушке!

... но зачем Адитии металлические иглы, как она собирается лечить ими гниль костей и, что самое непонятное: у *кого* она собирается лечить гниль?

* * *

Мой черед ловить рыбу пришёл много-много дней спустя, и, хотя сбитая очередь выглядела цепочкой случайностей, я был уверен, что тут не обошлось без козней Джа'кейруса. Он хитер до ужаса, у меня просто слов не хватает, чтобы выразить свою досаду на его увертки, и собственной хитрости у меня тоже не хватает, чтобы ему противостоять. Бить же со-родичей по головам можно не в какой попало день, потому обычно мне приходится терпеть его явные козни, догадываться о тайных, скрипеть зубами и ждать начала лета, когда придет пора воинских состязаний.

Другие со-родичи из нашего семейства и от других Древ тоже будут состязаться между собой: за самые сильные взрослые имена, за самых красивых женщин, за хорошие места на родовых озёрах. Но едва ли между кем-то еще будет такое отчаянное противостояние, как между мной и Джа'кейрусом. Ведь мы оба получили право бороться за прекрасную Дар-Тэю, причём я, как говорит Джа'кейрус, «вмешался на ровном месте и всё испортил». В чем-то он прав: как понятно из имени, моим годом взрослости должен стать следующий, но воинов осталось мало, потому многих древ-них допускают до состязаний раньше. Однако женщин нам пока не положено, если только сами они не выбрали нас. Дар-Тэя же выбрала меня, причем уже после того, как выбирала Джа'кейруса. Мягко говоря, он расстроился, и сбитая очередь рыбалки – самая мелкая из пакостей, которые мне теперь доводится терпеть.

– Тимд'жи! – окликают меня, когда я уже готов оттолкнуть лодку от берега.

Голос Адитии Старейшей я узнаю из десяти десятков других голосов, как любой другой древ-ний узнает голос своего Старейшего со-родича.

Адития выходит из густых папоротников у берега, словно нарочно меня там поджидала... Что за глупость приходит мне в голову, зачем ей прятаться, от кого? У Старейшей очень озабоченный вид. Она теперь всё время посвящает придумыванию составов от гнили, я знаю это от Дар-Тэи, и знаю, что все придумки безуспешны, хотя непонятно, на ком Адития их проверяет. Нас обоих всё это тревожит, но не слишком – никто из со-родичей до сих пор не умер, и ни на ком нет признаков болезни, значит, волноваться вроде как не о чем. Вроде как.

Я иду навстречу, почтительно склоняюсь перед Старейшей, и она тут же ласково касается моего плеча, позволяя поднять взгляд. У неё яркие глаза, совсем молодые и желтые, прямо как у Дар-Тэи, и стан Адитии силен и жилист. Однако ей много десятков лет, о чём явственно говорят её имя, краснота чешуи и зубы, сточенные почти до корней.

– Я хочу просить тебя об услуге, Тимд'жи.

Я снова почтительно склоняю голову. Адития говорит «просить», но кто может отказать Старейшему сородичу, который слышит течение соков родового Древа?

– Мне требуется донный ревун, – говорит она спокойно, и я едва не отшатываюсь, с губ моих срывается удивленное восклицание, но тут же я делаю короткий вдох, отсекая собственную растерянность, и отвечаю:

– Я принесу тебе донного ревуна.

Адития кивает, внимательно вглядывается в мое лицо и, наверное, видит там что-то, не очень её вдохновляющее, потому что говорит:

– Ты должен вести себя сдержанней, Тимд'жи. И я не хочу, чтобы кто-либо узнал о ревуна. Даже Дар-Тэя.

Снова склоняю голову. Конечно, я бы рассказал Дар-Тэе! Она же рассказывает мне о том, сколько возится Адития с составом от гнили, сколько раз она уже меняла этот состав и как загоняла Дар-Тэю – у неё от недосыпания даже чешуя поблекла, и плавать в озере по вечерам ей не хотелось. Из-за этого и я, и Джа'кейрус были раздосадованы, и мне временами даже казалось, что эта досада нас сближает, что было, разумеется, омерзительно.

Не знаю, почему Адития не взяла себе в помощницы еще кого-нибудь, кроме Дар-Тэи. Наше Древо не из самых плодовых, но и не иссыхает, на берегах родового озера кроме самой Адитии живет восемь взрослых и почти взрослых древ-них, трое стариков и двое малышей.

Раньше наша семья была большой, но недавно выдались сразу три трудных года подряд, когда в лесах и на болотах было голодно, и в Озёрный край повадились приходить агонги и прыгучие грызли. Даже мохнолапые ящеры приходили, хотя они нам почти родичи, но родство родством, а голод – голодом. Однажды ночью из-под земли вылез зубатый ползун длиной с лодку, и крик поднялся такой, что переполошились все древние семейства на этом берегу. Но хуже всех были агонги, гроза Озёрного края. Агонг – зверь не слишком большой, но мощный и быстрый как не знаю кто, у него страшные когти и зубы длиной с ладонь да складчатая меховая шкура, которую не так легко проткнуть. Эта тварь быстро бегает, лазает по деревьям, неплохо плавает и даже ныряет, разве что, хвала Древу, не летает. Живут агонги малыми семьями по двое-трое штук, в голодные годы сбиваются в стаи побольше. Вот после набегов таких стай у нас и осталось только два воина, и один из них – брюзга Паджитус, а он тренировать умеет куда лучше, чем сражаться. Остальные воины ушли питать соки небесного Древа, и мои родители ушли тогда же, и родители Дар-Тэи, и многие другие.

Однако мы не жалуемся. Многим другим семействам Озёрного края еще хуже, некоторых вообще не стало, и Древа их высохли и упали, чтобы когда-нибудь дать место новым росткам.

Последние два года выдались спокойными и сытыми, однако со-родичи были очень рады, что в этом году сразу три древ-них станут воинами. А я буду самым лучшим из них, ведь я очень много тренируюсь с мечом, так что больше не сбиваюсь и не спотыкаюсь, моё тело становится всё крепче и послушней, оттачивается тренировками, как клинок. Даже Паджитус меня одобряет... то есть вслух он говорит «Ты не совсем безнадежен, Тимд'жи», но все знают, что такие слова из уст Паджитуса – почти признание в любви, и едва ли даже его женщина слышала что-нибудь более нежное.

– Я никому не скажу о ревуне, – послушно отвечаю я, и Адития, кивнув, пропадает в высоких папоротниках. Мне кажется, её движения были слишком быстрыми. почти суетливыми, если такое можно говорить о Старейшей.

Мы, древ-ние, не любим суетиться попусту, «на будущее», потому что тогда суеты станет слишком много и никакого будущего не случится вовсе. Но мы говорим так: если судьба окунает тебя мордой в грязь – ныряй поглубже: как знать, что найдется на дне? И, мне думается, в этой истории с гнилью Адития как раз ныряет. Только непонятно, куда и почему, раз ни на ней самой, ни на ком из со-родичей нет знаков болезни. Но как еще можно понимать настойчивость Старейшей?

Я иду к реке с похолодевшим от волнения хвостом. Чешуя прижимается к шее так плотно, что приходится помотать головой, расслабляя мышцы. Если ревун порвёт меня слишком сильно, то у семейства в этом году будут только два новых воина – помереть я не помру, но участвовать в состязаниях этого года не сумею. Донные ревуны не опасны – пока ты не трогаешь их, но мало кто из потрогавших остался доволен ощущениями, а некоторые так и вовсе недосчитались частей ног, рук или хвостов.

Вот зачем Адитии нужно это животное? Его даже не едят!

* * *

Когда я, хромя на обе ноги, вытаскиваю лодку на берег, уже опускаются сумерки, быстрые и холодные, как рыба-хвостун. Две плетёнки доверху наполнены добычей, и я знаю: женщины примутся ругаться оттого, что я принёс ее так поздно. Мне и самому неловко, ведь женщинам не придется хорошо выспаться этой ночью, не говоря уж о том, что они будут вынуж-

дены сломать молодую ветку семейного Древа, чтобы получить свет и выпотрошить всех этих рыб.

Но я не мог вернуться раньше, я охотился за донным ревуном! Он увел меня далеко вниз по берегу, он бурился в ил и поднимал муть, выпрыгивал на меня из этой мути и вцеплялся в ноги, обхватывал их сотнями гусеничных ножек, драл чешую, вгрызался в мясо. В общем, тварь та еще. Но мне удалось одержать верх и не слишком сильно пострадать, так что я сумею участвовать в состязаниях воинов. А рыбы, которых я сегодня выловил, почти все пузатые. Даже когда женщины заберут свою долю, у меня останется еще много икры на обмен, и она пригодится, когда торговцы людей снова пройдут через Озёрный край.

Правда, придется еще достать соль, моя почти закончилась. Заворачивая червеобразное тело ревуна в подвявший лист гуннеры, я прикидываю, у кого можно купить соли.

– Где твои корни, древ-ний?

Что за день такой, непременно кто-нибудь подкрадется из-за спины! И какой я воин, если ко мне можно так подобраться? Нужно больше тренироваться на болотах, среди прыгучих грызлей, вот что.

– Где твои корни, древ-ний? – повторяет голос, которого я не узнаю.

Подоткнув лист гуннеры под тело ревуна, я оборачиваюсь и очень удивляюсь: стоящий передо мной древ-ний – серочешуйчатый, широкий в поясе и плечах, у него сильный хвост и мощная челюсть, а гребень – сросшийся и выступает на голове совсем невысоко. В общем, он из северных краёв, так что это скорее я должен интересоваться его корнями.

– У западной границы болот, где голос Древа говорит с Адитией, – всё-таки отвечаю я, и вежливо задаю тот же вопрос: – А где твои корни, древ-ний?

– У северного края торговых путей, где голос Древа слышит Ужитис, – отвечает он, и я снова удивляюсь: судя по имени, их Старейший очень... ну... стар! – Я пришел сюда, чтобы состязаться за взрослое имя и женщину, что смогла бы пойти к моему Древу.

Киваю. Трудно будет найти женщину, согласную идти на север, а впрочем. Наверняка этот древ-ний пользуется копьем, и наверняка удар его силен и меток. Северные озёрные края богаты меховыми зверьми, что очень хорошо: люди много платят за мех, а мясо кормит древ-них. Быть может, женщины других семейств и согласятся пойти с ним.

Но отпустят ли их так далеко собственные Древа? Они делают это с большой неохотой, да и много ли радости это принесёт? Обычно мы берем женщин из своего или близкого рода, чтобы они не оказывались далеко от родного берега и могли приходить к нему в любой день. Любовь прародителя много значит для нас, и только самые мужественные из древ-них способны уйти от сородичей дольше, чем на несколько дней.

Впрочем, связь молодых женщин с Древами – слабее.

– До состязания воинов я – Тимд’жи, – говорю я, и мой неожиданный собеседник, помедлив, отзывается:

– До состязания воинов я – Фэйтай.

Ого. Ну, если он.

–. пропустил целых два года состязаний, значит, воин из тебя никудышный, и ты не отыщешь женщину, которая захочет уйти с тобой на север, – эхом заканчивает мои мысли голос Джа’кейруса, и сам он мягко выступает из сгустившейся темноты.

Его приближения я тоже не услышал. Что со мной не так?

– До состязания воинов я – Джа’кейрус, – лениво говорит он, шурит змейские красно-коричневые глаза и лениво почесывает мускулистый живот под распахнутой жилеткой.

На нём ничего нет, помимо этой жилетки и набедренной повязки, и Джа’кейрус откровенно красуется своими мускулами, хотя мы ему женщины, что ли.

– У нашего Древа нет твоего интереса, – снисходительно говорит он Фэйтаю, – среди наших со-родичей имеется только одна женщина подходящего возраста, и право на неё уже

получили я и Тимд'жи, – он бросает на меня быстрый колючий взгляд, я в ответ презрительно прищуриваюсь.

– И никто не сомневается, – добавляет Джа'кейрус, растягивая слова в шипение, – что она достанется мне еще до того, как родит малыша, которого сейчас носит в яйце.

При этих словах он очень внимательно смотрит на меня, но я уверен, что в моём лице ничего не вздрагивает: я уже знаю, что Дар-Тэя вынашивает яйцо.

– А Тимд'жи и прочим останется утешаться с собственным хвостом, – едко бросает Джа'кейрус, недовольный моей равнодушной рожей, и скалит острые зубы.

Я только кривлю губы, но Фэйтай, непривычный к штучкам Джа'кейруса, смущается, а довольный Джа'кейрус хохочет, протягивает свой хвост между ног и картинно трется об него, виляя задницей.

– Я смотрю, ты знаешь, как это делается, – говорю я, – так что не будешь скучать, когда Дар-Тэя достанется мне.

Джа'кейрус застывает, вцепившись в свой хвост и открыв рот, потом закрывает его, громко клацнув зубами, а я, чтобы не давать ему последнего слова, тут же оборачиваюсь к Фэйтаю:

– Должен ли я предложить тебе ночлег у корней моего семейного Древа?

Спросил первое, что в голову пришло. Понятно, что если древ-ний впотьмах гуляет по берегу без поклажи, то он уже где-то остановился. Как я и ожидал, Фэйтай мотает головой:

– Спасибо, Тимд'жи, я уже обрёл ночлег у юго-западной границы болот, где голос Древа слышит Атший. Но я рад буду видеться с тобой, если наши пути сойдутся.

– Я буду рад видеться с тобой, – соглашаюсь я. – Мы можем вместе дойти до западной границы болот.

– Рад буду помочь вам дойти до западной границы болот, – влезает Джа'кейрус, косясь на лодку.

Даже впотьмах увидел свёрток с ревуном, которого Адития просила никому не показывать. И что ты будешь делать?

– Тогда, если ты уже оставил в покое свой хвост – держи вот это, – говорю я и вручаю ему одну из плетенек с рыбой.

Джа'кейрус злобно сжимает губы, а потом вдруг ухмыляется, без боя оставляя поле за мной – это совсем не в его привычках, а потому не нравится мне. Он, не говоря больше ни слова, разворачивается и топает к озёрам, задорно размахивая плетёнкой с рыбой, и мне остается только гадать, какой пакостью он оплатит мне на сей раз.

* * *

За два дня до состязаний все семейства нашего побережья собираются в единственном месте, способном вместить столько древ-них: на лугу в виду одного из старейших Древ, голос которого слышит Кашиджий.

Сюда же приходит Фэйтай. Я рад узнать, что он получил право состязаться за женщину одного из местных семейств, и я очень удивляюсь, когда оказывается, что эта женщина уже выносила два яйца и родила двух живых малышей. Наверняка за неё будут биться не менее трех древ-них с близких берегов, и Фэйтаю придется очень сильно превзойти каждого из них, чтобы убедить Древо отпустить свой росток в северные края.

Мы сидим у костров, едим рыбу, запечённую в листьях ульмы, пьем сладко-пьяный сок забродивших плодов мафуи, переговариваемся, шутим, хохочем. Вскоре, утолив первый голод, начинают подниматься на ноги будущие воины, и тогда все вокруг умолкает.

Будущий воин должен сделать глоток сока своего Древа из загодя припасённой фляги, назвать своё имя и род, а затем рассказать: как он будет справляться с грядущим испытанием, как он готовился, чего добился и почему он будет лучшим воином, чем все прочие.

– ... я добуду свою славу с костяным луком! Я могу влезть по дереву на тридцать локтей от земли, не потревожив ни единого листа!

– я овладел искусством охоты с копьем и рогатиной, я буду приносить много мяса своим со-родичам, и моя женщина никогда не узнает холода и голода!

На лугу нет Старейших. Им не годится слушать похвальбы, которые здесь звучат, не годится помнить звучавшие здесь слова, когда придет время называть победителей состязаний и давать воинам взрослые имена. Старейшим достаточно знать, что скажет Древо их рода.

Но другие со-родичи должны слышать похвальбы – чтобы видеть, как хороши ростки их семейного Древа, и сколь сильны будущие воины, что станут их защищать. Чтобы знать, сыт ли и силен будет род соседей, из которого позднее станут приходить другие будущие воины и звать к своим Древам их женщин.

Похвальбы должны слышать те, кто участвует в состязаниях этого года – чтобы знать, какие достойные соперники им будут противостоять в состязании, и какие сильные со-ратники станут защищать соседние Древа на этом берегу озёр.

– ... я научился нырять на самую большую глубину, где живут рыбы-камни, и задерживать дыхание так долго, что могу набрать целую плетёнку рыб, не всплывая на поверхность! Я буду лучшим добытчиком для сородичей, чем все вы, ведь звери приходят и уходят дальше в леса, а рыбы-камни – всегда на дне!

Малышня тоже должна слышать это – чтобы понимать, как должно вести себя древ-нему и как почётно становиться воином. Десять лет назад я сам впервые сидел у такого костра, слушал похвальбы и забывал даже о печёной рыбе – так был восхищен древ-ними, которые собирались состязаться друг с другом.

И, конечно, всё это должны слышать женщины – чтобы знали, как они ценны и сколько сил прилагают будущие воины, чтобы заслужить их.

Когда умолкают одобрителные крики, вызванные словами очередного древ-него, у соседнего костра медленно поднимается на ноги Джа'кейрус, и все взгляды обращаются к нему. Его лицо сегодня особо надменное, жилетку он сбросил и стоит в одной лишь повязке, мускулы его играют под блестящей чешуёй – жиром натерся, что ли? Многие женщины издают одобрителные восклицания, и каждое из них отдаётся у меня в груди ревнивым царапаньем, в котором даже перед собой неприятно сознаваться.

– Я искусно владею всеми видами оружия, – говорит Джа'кейрус, представившись, – рогатиной, копьем, легким копьем, луком и даже мечом. Сегодня некоторые древ-ние обещали сделать почти невозможное и принести голову агонга, чтобы доказать свое искусство воина. Все мы знаем, что этого зверя хорошо бы бить втроем или вчетвером... Так вот – я принесу *две головы агонгов!*

Над кострами повисает ошалелая тишина. Каждому, наверное, хочется потереть уши и попросить Джа'кейруса повторить эту дичь, но он выглядит совершенно уверенно. И даже лениво. Как будто собирался сказать «три головы», но в последний момент передумал и решил оставить хоть что-нибудь другим.

Так же лениво Джа'кейрус переводит взгляд на меня, ухмыляется во всю зубатую пасть и небрежно добавляет:

– И еще я, не дожидаясь состязаний, обустроил пещеру под корнями семейного Древа, потому что хочу, чтобы моей женщине было хорошо.

Я сознаю, что смотрю на Джа'кейруса ошарашенно, и рот мой по-рыбы открыт. Поспешно закрываю пасть, прикусывая язык, и глаза от этого наполняются злым пощипыванием.

Он садится, и древ-ние наконец взрываются одобрителными воплями, которые еще долго-долго не умолкнут. А во мне поднимается ярость, такая недостойная, такая мелочная, но я никак не могу затолкать её обратно в грудь, не могу сохранить спокойное выражение лица и даже сидеть – тоже не могу.

Я поднимаюсь на ноги и начинаю пробираться в темноту, к берегу, ни на кого не глядя, не пытаюсь найти взглядом Дар-Тэю или кого-нибудь из со-родичей, и мне плевать, смотрят на меня другие или нет, мне даже плевать, смотрит ли на меня Джа'кейрус, хотя он точно смотрит.

Мне срочно нужно уйти отсюда и наорать на Адитию, потому что без её позволения никто не сумел бы незаметно обустроить пещеру у корней семейного Древа, а Джа'кейрус сделал это именно незаметно. Где-то в глубине меня пугливый зверек истошно верещит, что это невозможно, что никак нельзя орать на старейших, мудрейших и всячески почтенных, но я велю зверьку немедленно заткнуть свой рот своим же пушистым хвостом и хорошенько его пожевать.

Я иду быстрыми, размашистыми шагами, из-под ног разъезжается песок и трава, а от выпитого сока мафуи кажется, будто вечер вокруг меня немного покачивается. Моё Древо довольно далеко от луга, так что, когда я наконец добираюсь до него, у меня основательно сбивается дыхание, а ярость немного выветривается, уступив место обиде. Но обида – это такая детская глупость, что я снова начинаю сердиться, уже на себя.

Я знаю, что найду Адитию сидящей между двух главных корней Древа, спины которых высоко поднимаются над землей и вместе с густым мхом на земле образуют что-то вроде пещерки, только без потолка. Над самыми старыми корнями Древ гуще всего растут молодые ветки, они дают свет даже не сломанными, потому много пожившие древ-ние, которые часто маются бессонницей, любят коротать вечера у старейших корней, и у каждого там есть такая «пещерка».

Адития сидит перед Древом спиной ко мне, преклонив колени, прислушиваясь или дремля, с такого расстояния мне сложно понять, да и наплевать.

– Значит, Джа'кейрус устроил пещеру для Дар-Тэи, – издалека выплёвываю я в спину Адитии. – И ты позволила! Хотя он еще не получил её! Ты уже решила, что Дар-Тэя достанется ему, да?

Я подхожу ближе, но кричу всё громче, а Старейшая даже не меняет коленопреклоненной позы, лишь слегка поворачивает голову, показывая, что слушает меня.

– И не нужны никакие состязания? Можно просто хитрить, изворачиваться змеей, скрываться, врать, а за это получить лучшую женщину рода! Мне тоже так можно было, да?!

– Если ты не прекратишь орать, – ласково говорит Адития, – я скормлю тебе твоё собственное сердце.

Я немедленно прекращаю орать. Не знаю, может, она и способна на такое. Говорят, один из Старейших, Грыджый с юго-западного берега, однажды оживил мертвеца, а другой, Бад'ша, живьем вырвал хребет у древ-него из другого рода, который хотел украсть его соль.

– Кто мешал тебе подумать о пещере? – спрашивает Адития. – Кто мешал тебе позаботиться о своей женщине, не дожидаясь, станет она лишь твоей или нет?

Но так никогда не делается! Это нечестно!

От избытка злости я рычу. Рычать Адития не запрещала.

Старейшая оборачивается ко мне половиной тела, и я вижу на её лице нетерпение, озлобленность и досаду. Я не должен находиться здесь, я это понимаю вдруг очень ясно, и мне делается неловко, потому что я вижу что-то, не предназначенное для меня. Только я понятия не имею, что именно вижу особенного.

– Иди отсюда, Тимд'жи. Иди, пока я не выгнала тебя пинками и не запретила участвовать в состязаниях.

Мне хочется еще раз наорать на Старейшую, но я не уверен, что в Озёрном крае найдется много древ-них, которые проделали подобное дважды и прожили достаточно долго, чтобы осознать это. Поэтому я заставляю себя сделать глубокий вдох и немного постоять, глядя вверх, в купол из больших листьев Древа. В темноте они кажутся чёрными.

Я хочу сказать Адитии, что Джа'кейрус обещал принести две головы агонгов, и это звучит еще страннее, чем весть о подготовленной им пещере. Но Старейшая не должна слышать слов, что произносятся у костров на лугу. Про пещеру-то она не могла не знать, а агонгов Джа'кейрус собирается убить без её потворства. Наверное.

Мой взгляд скользит по коврику мха, подсвеченному молодыми ветвями, и я вижу, как пальцы Адитии нервно погружаются в этот мох.

– Иди обратно, Тимд'жи, – сердито говорит она.

И я не спорю. Почтительно наклоняю голову и отступаю в темноту, исподлобья еще раз оглядывая ковер мха.

И я вижу, что это действительно ковер вроде тех, что продают торговцы-люди, это ковёр из земли, а мох растёт на нём, а вовсе не под корнями Древа. Я увидел, где заканчивается этот ковер, когда Адития вцепилась в мох пальцами. Я вижу, что из-под корня торчит подвявший лист гуннеры.

Тревожить Старейшую в её «пещере» у корней в обычные дни отваживаются только очень пожилые древ-ние, глаза которых давно утратили зоркость. Потому, наверное, никто из со-родичей ничего не знал. Даже Дар-Тэя наверняка не знала, слишком уж беззаботной она была.

Я не могу удержаться, поднимаю взгляд на Адитию.

– Пока еще есть время, – сварливо отвечает она на вопрос в моих глазах. – Делай, что должно, Тимд'жи, и не сворачивай со своей дороги, ведь когда судьба окунает нас мордой в грязь...

– ...мы ныряем поглубже и смотрим, что найдется на дне, – шепотом заканчиваю я и медленно ухожу от Древа на непослушных, подгибающихся ногах.

* * *

Древ-ние не предают союзников. Не потому что мы такие хорошие и честные, а потому что у нас это спокойствие веков в крови, впитанное с соком Древа, такая же память поколений, как плавательный инстинкт. Нас всегда было слишком мало, чтобы поступаться своими. Нам проще хвост себе оторвать, чем предать со-ратника.

Потому будущие воины сначала признают друг друга со-ратниками, а потом уже начинают состязаться и соперничать – чтобы это была справедливая борьба и чтобы мы держались подальше друг от друга, когда начнется последняя часть испытаний – охота.

В остальном я проявил себя неплохо, но не так хорошо, как хотел бы, и уж точно не так хорошо, как Джа'кейрус. И плыл не так быстро, как мог бы, и под водой сидел меньше, чем обычно, и с ловлей рыбы у меня получилось всё не так уж ловко. Зато мне удалось забороть пять соперников по очереди, и каждый из них был на год старше меня. Всё потому, что я вёрткий и сильный, а после моих подсечек хвостом еще никто на ногах не оставался.

Но меня очень тревожило, что же дальше будет с нашим Древом, и от этой тревоги я не мог сосредоточиться на состязаниях. Четыре года назад мы видели, как погибает большое гнилью соседнее Древо, как вместе с ним заболевает род, что пьёт его сок. Мы слышали, как целыми днями кричат от боли древ-ние, кости которых медленно разрушаются. Мы наблюдали, как сходят с ума те, кто не пьет сок Древа, как они перестают помнить, кто они и где были прежде, каков их род и зачем им жить, они забывают есть и спать, а вместо этого дни и ночи

напролет сидят на берегу озера, раскачиваясь, и если их предоставить самим себе – они просто умрут от голода и жажды, сидя у воды, полной рыбы.

Мы видели, как вместе умирают Древо и род, который оно питало, как от них остается только сгнивший пенёк и вокруг него – много-много земляных насыпей с прахом, и они вскоре сравнялись с землей. А немногочисленные древние, что не сгнили и не сошли с ума вместе с со-родичами, уходят из Озёрного края. Ведь семейное Древо не заменить другим, только самая мелкая малышня могла бы прорасти у других корней, но малышня умирает от гнили первой.

Я вовсе не хотел, чтобы такое случилось с нашим Древом и моими со-родичами. Да, Адития сказала, что время еще есть, но, говоря это, она отводила взгляд.

Будущие воины стоят на большом лугу против своих Старейших. Все со-родичи – на большом удалении. Нельзя во время состязаний быть близко, потому что это время для показа наших умений, и ничто не должно отвлекать нас.

Легко сказать!

Адития дает нам плечные мешки с припасами, такие же мешки дают своим со-родичам другие Старейшие. Иногда проходит несколько дней, пока древний найдет и загонит добычу, достойную всего умения воина-охотника. Я собираюсь уйти в леса юго-востока, куда в это время кочуют агонги, и еще несколько будущих воинов будут держаться этого направления. Джа'кейрус – наверняка. Но мы постараемся разойтись далеко, чтобы не мешать и не помогать друг другу: каждый должен проявить собственное умение, и, когда я думаю об этом, мне кажется, что меч в ножнах у меня на груди становится теплым и греет мое сердце сквозь ножны.

Мы убегаем в леса и на болота, ничего не сказав напоследок ни со-родичам, ни друг другу, каждый из нас превращается в летящее копьё, которое знает лишь одно: свою цель, и он должен найти эту цель во что бы то ни стало.

Я несусь вперед среди сочных папоротников и мягколистных деревьев, прыгаю через ямки и ручейки, краем глаза слежу, как исчезают среди деревьев другие будущие воины. Вскоре пропадает из виду последний из них, теперь мы не мешаем друг другу, и я должен что есть сил бежать на юго-восток, чтобы сегодня выгадать время. Тогда к вечеру я выйду на тропы, где в эту пору можно встретить семейства агонгов, и с самого утра буду наблюдать их повадки, прикидывать, как можно отделить от семейства одного из зверей, чтобы сразиться с ним один на один.

И на кой мне понадобилось убить именно агонга, да еще мечом? Мало, что ли, в Озёрном крае других зверей? Да, конечно, у меня и у других со-родичей особые счёты к этим тварям, но разве моему семейству станет хорошо, если агонг и меня загрызёт?

И я не имею представления, как Джа'кейрус собирается убить двоих агонгов. Если он действительно может это сделать, значит, он лучший воин, чем я или кто бы то ни было из всех, кого я знаю. Значит, умнее всего будет просто уступить ему Дар-Тэю, потому что он заслуживает её больше, чем я.

Но какой смысл вообще в этих состязаниях, если наше Древо поражено гнилью? Может быть, кто-то знает, как лечить её. Адития же откуда-то взяла все эти задумки про иголки и донного ревуна, значит, есть и другие. Быть может, нужно ходить к более дальним Древам и расспрашивать Старейших. А от того, что я буду бегать по лесу и нападать на зверей, самый главный вопрос никак не разрешится.

Я останавливаюсь и слушаю лес. Всё-таки я не понимаю, как Джа'кейрус собирается убить двоих агонгов. Без всяких «разве что».

Зато я понимаю, что не видел его среди древних, которые бежали по лесу на юго-восток, а вот что я видел – как Джа'кейрус отстал и, кажется, завернул ближе к болотам, хотя на болотах не водятся агонги.

Я стою, выравнивая дыхание, трогаю прохладный лист папоротника и слушаю, как вокруг заливаются трелями птицы-сверчалки. А потом разворачиваюсь и бегу в сторону болот. Я

примерно помню, в каком месте свернул на тропу Джа'кейрус, значит, есть не более десятка направлений, в которых он мог умчаться неведомо как далеко. Если, конечно, это не путаница пути или еще какая-нибудь его мерзкая хитрость.

Может быть, я попадусь на эту уловку, как глупая малышня, но мне нужно разобраться, что затеял этот древ-ний.

* * *

Я ищу Джа'кейруса долго, мне приходится обойти едва ли не все болотные тропы. Но в конце концов я нахожу его – не очень-то далеко от озёр, в месте, где болота сужаются и почти смыкаются с лесом, а за ними лежат пригорки и другие леса.

Джа'кейрус сидит на малом холмике, за спиной у него колчан со стрелами. Что-то или кто-то лежит у его ног, а сам он, напряженный, собранный, внимательно вглядывается в леса и пригорки. Воздух вокруг звенит комарами и влажной гулкостью, где-то заливается сверчалка.

Я всё еще не понимаю, что задумал Джа'кейрус. Он подобрался к местам, где агонги и другие хищники подращивают детенышей до того, как уйти в леса юго-запада. Эти места куда ближе к нашим озёрам, но нужно быть бесконечно тупым древ-ним, чтобы пытаться убить агонгов, которые растят свою малышню. Наоборот, лучшее, что можно делать в такое время – держаться от них подальше. Джа'кейрус – точно не тупой, но тогда что он делает здесь?

Я собираюсь окликнуть его, когда он оборачивается и видит меня. Медленно поднимается на ноги и идет навстречу.

– Ну почему ты такой настырный, Тимд'жи? – кричит он издали, но голос его весел: им уже владеет азарт охоты, пусть я пока не понимаю, каким образом он охотится. – Или не справился? Передумал, напугался? Хочешь знать, как загоняют добычу настоящие воины?

Агонга загонишь, пожалуй! Он сам кого хочешь загонит! Особенно если у него детеныш.

Тут лежащее на холмике существо поднимает голову, и я с ужасом вижу, что это и есть детеныш агонга, совсем маленький, размером с собаку, которые иногда ходят вместе с человеческими торговцами. У меня немеет кончик хвоста и становится дыбом чешуя на шее. Пасть детеныша стянута стеблями, но если он освободится и завизжит...

– Ты рехнулся, Джа'кейрус? – я стараюсь сам не сорваться на крик, чтобы не привлечь всех хищников ближнего леса. – Его родители же придут сюда!

– Конечно, – он закатывает глаза. – Зачем бы еще мне потребовался детеныш?

Джа'кейрус со снисходительным любопытством разглядывает моё ошалелое лицо и добавляет:

– Но они не найдут нас, пока он не закричит. Я засыпал следы семенами ужугчи.

Он приглашающе машет рукой, и мы вместе поднимаемся на холмик. Там Джа'кейрус очень осторожно, наступив лапой на нос детеныша, перерезает верхние стебли, потом убирает ногу, и детеныш, мотая головой, освобождается от остальных. Лапы его связаны, подняться он не может, и раздражается таким отчаянным визгом, что мне даже жаль его становится.

Подъем на холмик сплошь укрыт листьями гуннеры, свободной остается только обходная тропка сбоку. Джа'кейрус смотрит на меня с любопытством, и оно постепенно сменяется насмешливым выражением, когда до меня доходит, что он тут устроил.

– Ты их так не обманешь, – голос мой дрожит от возмущения и ужаса. – Агонгов не убивают об ямы с отравленными колями! А даже если.

– Расслабься, – говорит он и достает стрелу из колчана. Тяжелая стрела, неоперенная, с наконечником из кости, который смазан соком волчанника, судя по зеленоватому цвету. – За детенышем они побегут прямо, а не как обычно.

– Это неправильно! – я уже кричу, потому что маленький агонг верещит очень громко. – Ты рыл эту яму много дней, а состязание началось только утром! Так нельзя! Что ты возомнил о себе, Джа'кейрус? Станешь лучшим воином благодаря обману? Получишь Дар-Тэю хитростью?

– Я не получу Дар-Тэю, – спокойно говорит он, вглядываясь вдаль. Лук держит опущенным. – Я делаю это не ради Дар-Тэи, не ради хорошего места у озера и вообще... Я уйду сразу после состязаний.

Вдали тоскливо кричит выпь, подпевая воплям маленького агонга. У меня звенит в ушах от них. Может быть, я услышал совсем не то, что сказал Джа'кейрус?

– Уйдешь? – повторяю на всякий случай и совершенно теряюсь, когда он кивает. – Как это? Куда?

От леса отделяются два черных пятна и несутся к нам. Джа'кейрус поднимает лук, я выхватываю меч и остро жалею, что не взял еще рогатину. Почему мне было так важно научиться бою с мечом и тем самым прыгнуть выше собственной головы? Я уже не помню.

Два пятна бегут от леса нам навстречу, становясь больше, обретая очертания зверей из моих кошмарных снов: обманная неуклюжесть, с какой агонг может бежать целый день без усталости, мощные лапы, которыми он подминает добычу, оскаленные пасти с длинными, загнутыми зубами – не вырваться. Нет спасения от этих лап и зубов, эту шкуру не проткнуть, её складки ускользают из-под клинка, уводят руку в сторону, и ты теряешь равновесие, падаешь прямо в распахнутую пасть или в объятия этих лап, в эти раззявленные пасти, лапы, лапы, пасти.

Коротко свистит тетива, стрела разрывает острое ухо агонга, и над болотами несётся раскатыстый рёв, и от него вся мелкая живность разбегается по своим норам. Снова свист тетивы, и стрела отскакивает от плеча агонга. Они слишком быстрые. Они в ярости. Их детеныш верещит на весь Озёрный край, и родители собираются порвать в лоскуты тех, кто его обидел.

Они уже под холмом, и я знаю, что этих агонгов не заманишь в яму с кольями, они побегут в обход; я перехватываю рукоять меча обеими руками и успеваю с горечью подумать, как мне повезло: не пришлось выслеживать агонга в дальних лесах, зверя принесли готовеньким, на листе ульмы, можно сказать...

Прыжок, свист стрелы, визг, в глазу самца торчит древко стрелы, тело грузно падает в яму, сминая большие листья. Самка не успевает остановиться и с воем валится следом, еще одна стрела пролетает над ней. Из ямы какое-то время несутся вопли боли, потом всё умолкает. Даже детеныш.

Чувствуя себя очень глупо, я возвращаю меч в ножны. На Джа'кейруса не смотрю. Сажусь спиной к яме, лицом к болотам, где над метелками камышей вьются тучи мошек, и предзакатное солнце делает всё вокруг красножелтым. Скоро стемнеет.

Я слышу возню, ворчание Джа'кейруса, потом – скулеж детеныша и раздраженное: «Да иди уже отсюда». И быстро затихающий шорох лап.

– Так вот, – говорит Джа'кейрус и усаживается рядом со мной. – Теперь я отрежу головы агонгов, отнесу их Адитии, получу взрослое имя и уйду искать лекарство от гнили. Наше Древо болеет.

– Знаю.

Джа'кейрус угукает и добавляет:

– Не только оно.

Я шурю на комаров, вьющихся над камышами. Какой сырой воздух сегодня. Какой неправильный. Всё неправильное.

– Болеют и другие Древа, это какая-то новая гниль, переродившаяся. Медленней. Страшнее.

Болезнь, что поражает корни, а не ростки. Где твои корни, древ-ний?

Я не знаю, что сказать на всё это, но Джа'кейрус не ждет ответа, он говорит сам, ему зачем-то нужно, чтобы я понял.

– На южной границе торговых путей болеет Древо, на юго-западной границе – тоже. На восточном краю старых лесов недавно умерло Древо, и теперь каждый соседний род ждет, перекинется на них болезнь или нет. Ходили слухи, что на севере нет древесной гнили, только обычная костная... но твой приятель Фэйтай не просто так пришел сюда, чтобы найти себе женщину: северяне говорят, у здешних древ-них кровь прохладней, и если народится много малышей с прохладной кровью, Древа станут стойкими к гнили. Но если бы это было правдой, новая болезнь сюда бы не пришла.

– И что можно сделать с этим? – спрашиваю я с надеждой, потому что всё сказанное Джа'кейрусом звучит ужасающе.

– Я не знаю, – говорит он, и его голос подрагивает. – Никто из древ-них не знает, потому я хочу идти за ответами к людям или оркам. Адития уже пыталась лечить подобное подобным, как это принято у людей, но она ведь ничего не знает про эти способы. Ей известно не больше того, что говорят торговцы людей на наших дорогах, а торговцы не занимаются лечением, потому их слов недостаточно. Нужно узнать больше, но нельзя узнать больше, оставаясь здесь. Потому я пойду за ответами туда, где они могут быть. Адития не хочет меня отпускать, но.

Понятно, что «но»: когда Джа'кейрус получит взрослое имя, Старейшая не сможет ему запретить. А за две головы агонгов он получит очень сильное взрослое имя, с которым сможет совершить действительно важные вещи, и все со-родичи будут знать это.

Некоторое время я сижу, пытаюсь уложить всё услышанное в голове. И я тоже хочу искать ответы! Как можно оставаться и продолжать делать всё то же, что прежде, если в это время наши Древа убивает гниль, а кто-то может знать лекарство от неё?

Задумчиво постукиваю хвостом по траве. А как можно уйти, когда со-родичам требуется каждая пара рук, каждый лук, рогатина, меч?...

Ох, нет, не представляю, как Джа'кейрус может уйти от Древа, от теплого озера, Дар-Тэи, семьи и всего, чем мы живём!

Мы даже толком не знаем, какой он – мир за пределами Озёрного края. У нас есть только слова торговцев и сказания Старейших. Но мы не знаем, что происходит с древ-ними, которые уходят отсюда. Никто из тех, кто осиротел и покинул родные озёра, не вернулся назад – то ли остальной мир оказался настолько хорош, то ли плох до того, что хуже просто некуда.

Я хочу задать Джа'кейрусу много вопросов, но он вдруг подскакивает, оборачивается, орёт что-то невразумительное и хватает свой лук. Я тоже оборачиваюсь.

Агонги уже почти достигли нашего холма, их пять или шесть, они несутся молча, пригнув головы, а увидев, что обнаружены, разражаются рёвом и воем. Джа'кейрус выпускает одну за другой три стрелы, но лишь одна достигает цели, застревает в лапе ближайшего зверя. Это его замедляет, но и только-то. Джа'кейрус поднимает копье, я выхватываю меч, но мы знаем, что это без толку, агонгов много.

Наше Древо не может лишиться сразу двух воинов, в отчаянии думаю я, но этих зверей нам не победить, они не прыгнут в яму, они уже забирают на обходную тропу...

Я всовываю меч в ножны, хватаю Джа'кейруса за руку и тяну к яме. Он сначала выдерживает руку, и его красно-коричневые глаза становятся рубиновыми от ярости. Потом он понимает, и мы вместе спускаемся вниз, как можно быстрее, и отступаем подальше от края, стараясь не оцарапаться об отравленные колья.

Звери уже наверху, они заглядывают вниз и сердито рычат, над нами клещат оскаленные пасти, взрывают землю мощные лапы, летят во все стороны хлопья пены. Агонги видят мертвых со-родичей, висящих на кольях, и это злит их до безумия.

– Вниз! – кричит мне Джа'кейрус, и я, опираясь на ножны, устраиваюсь на земле между кольями. Он делает то же самое.

Ужасное положение, всё моё существо протестует против того, чтобы смиренно сидеть на дне ямы, меж отравленных кольев, рядом с убитыми агонгами, и сносить ругань их со-братьев. Но я знаю, что ничего более мы не в силах сделать, Джа'кейрус даже из лука стрелять не может, а впрочем, он оставил лук на холме. Шестеро агонгов – на пороге настоящего бешенства, в каком зверь летит вперед, не разбирая дороги и не щадя себя, и причиняет ужасные разрушения до того, как будет убит. Если они переступят этот порог, то начнут прыгать в яму, и тогда...

Но наше Древо не может лишиться двух воинов разом, потому мы сидим, скрючившись, среди кольев и ждем, когда агонги прекратят лютовать наверху.

Солнце заходит, снаружи быстро темнеет, и становится еще хуже, потому что звери чувствуют нас прекрасно, а мы их толком не видим – только тени, которые мотаются туда-сюда вдоль края.

Потом долго-долго тянется эта темнота, мелькание черных пятен в ней, рычание и ворчание, холод и твёрдость земли, занемение ног и хвоста, невыразимое желание сменить положение тела и невозможность сделать это, а потом появляются звезды, и ворчание наверху затихает.

Мы еще ждем – вдруг агонги отошли и затаились, мы вслушиваемся в тишину, и нам всё время кажется, что в ней что-то ворочается. Звёздное серебро посыпает блёстками шерстинки на шкурах мертвых зверей, висящих рядом с нами на кольях, и от этого кажется, что они тоже шевелятся.

– Ушли, – решает наконец Джа'кейрус.

Мы медленно поднимаемся, пошатываясь в темноте между кольями на затекших ногах, подбираемся к краю ямы и, подсаживая друг друга, разглядываем окрестности. Агонгов не видно, никаких звуков не слышать, кроме обычного ночного шороха трав, и мы в конце концов выбираемся из ямы.

А потом далеко-далеко, со стороны озёр, доносятся крики, и мы понимаем, куда ушли агонги.

Мы бежим быстро, мы бежим долго, мы не успеваем.

* * *

Наше Древо упало через четыре дня, когда умер последний порванный агонгами сородич – Паджитус. Прах остальных уже лежал в земле под корнями Древа.

Адития. Дар-Тэя. Двое малышей, старики. Третий древ-ний, что должен был стать воином нашего рода – в ночь состязаний он охотился на прыгунов в другой части болот, вернулся раньше нас и погиб, защищая сородичей.

Я положил голову убитого мной агонга рядом со свежими насыпями, но этого оказалось слишком мало и, как только умер Паджитус, наше Древо начало потрескивать. Сначала мы надеялись, что обойдется, но вскоре поняли – нет. Семейство окончательно перестает быть. К вечеру Древо наклонилось над свежими земляными насыпями и стало оплакивать их, роняя большие, на лету иссыхающие листья.

Мы с Джа'кейрусом сидели рядом, смотрели на листопад л... Не знаю, о чем думал он. Виною себя, наверное, да он и правда был виноват во всем, что тут случилось в ту ночь. Агонги убили три семейства и серьезно ранили воинов из других родов, которые успели прибежать на выручку. Остальные два осиротевших Древа пока стояли на берегу озера, но у них не осталось никого, кто мог бы принять род.

– Это я виноват, – эхом повторяет мои мысли Джа'кейрус.

– Нужно было утопить тебя перед состязаниями, – отвечаю я.

Наше Древо плакало весь день и весь вечер, а в сумерках начало терять кору и мелкие ветки. Я никогда не видел, как погибает Древо, похоронившее свой род. Наверное, если бы оно не болело, то смогло бы подождать, пока мы с Джа'кейрусом снова сможем шевелиться, начнём жить, найдем себе женщин и обзаведёмся малышкой. Но наше Древо болело, вдобавок оно было очень привязано к Адитии и вместе с ней потеряло надежду на излечение.

– Я всё равно пойду искать лекарство, – сквозь зубы говорит Джа'кейрус.

Я не отвечаю. Я понятия не имею, что буду делать, а что будет делать он – мне всё равно.

К утру от Древа осталась только нижняя часть ствола, иссохшая, мёртвая. Всё остальное лежало на земле горами щепок. А внутри у меня происходило что-то ужасное, что-то еще более ужасное, чем четыре дня назад, когда я держал на руках мёртвую Дар-Тэю с разорванным лицом.

В груди что-то оборвалось и теперь падало, бесконечно долго падало, сжимало горло, заставляло сердце колотиться, давило, дрожало. Я чувствовал, как сгибаются мои плечи, словно на них положили бревно, как самый обычный утренний ветер холодит чешую мертвенными, злыми прикосновениями. Я не мог говорить и не мог смотреть на мир вокруг себя, потому что...

Я теперь был в нём совсем один. Как будто скорлупа яйца разомкнулась надо мной, а снаружи не оказалось ничего моего. И пустой холод в груди – это не что-то новое, а лишь пустота на месте того, что было там прежде.

Этот холод – отсутствие любви, которой Древо согревало меня всю жизнь.

– Пойдешь со мной? – спрашивает Джа'кейрус.

Я долго смотрю в его красно-коричневые змеиные глаза и убеждаю себя, что искать лекарство – единственная правильная вещь, которая нам остается. Но мне всё равно, правильно я буду поступать или нет, потому что внутри ничего не осталось, только чувство бесконечного падения и холода.

Я качаю головой. Джа'кейрус вздыхает и уходит собираться.

Я остаюсь один и сижу еще долго-долго перед ковром щепок – остатками моего Древа, покрывающими свежие насыпи с прахом со-родичей.

– Будет ли уместным предложить тебе кров под корнями моего Древа?

Я не слышал, как подошел Фэйтий. Вечно все ко мне подкрадываются.

Снова мотаю головой. Родовое Древо не заменить другим. Теперь я понимаю, почему осиротевшие древние уходят: судьба окунает их мордой в грязь так глубоко, что у них нет сил выбраться на поверхность, они только и могут, что нырнуть поглубже и узнать: не найдется ли чего-нибудь на дне?

Я заставляю себя подняться на ноги и удивляюсь, какие они слабые, как плохо меня держат. Но теперь я могу распрямить плечи, даже если мне по-прежнему кажется, что на них лежит бревно.

– Я не пойду с тобой к твоему Древу, Фэйтий, – называю его так, потому что не знаю его нового, взрослого имени. – Но я буду рад видеться с тобой, если сойдутся наши пути.

– Я буду рад видеться с тобой, – грустно соглашается он.

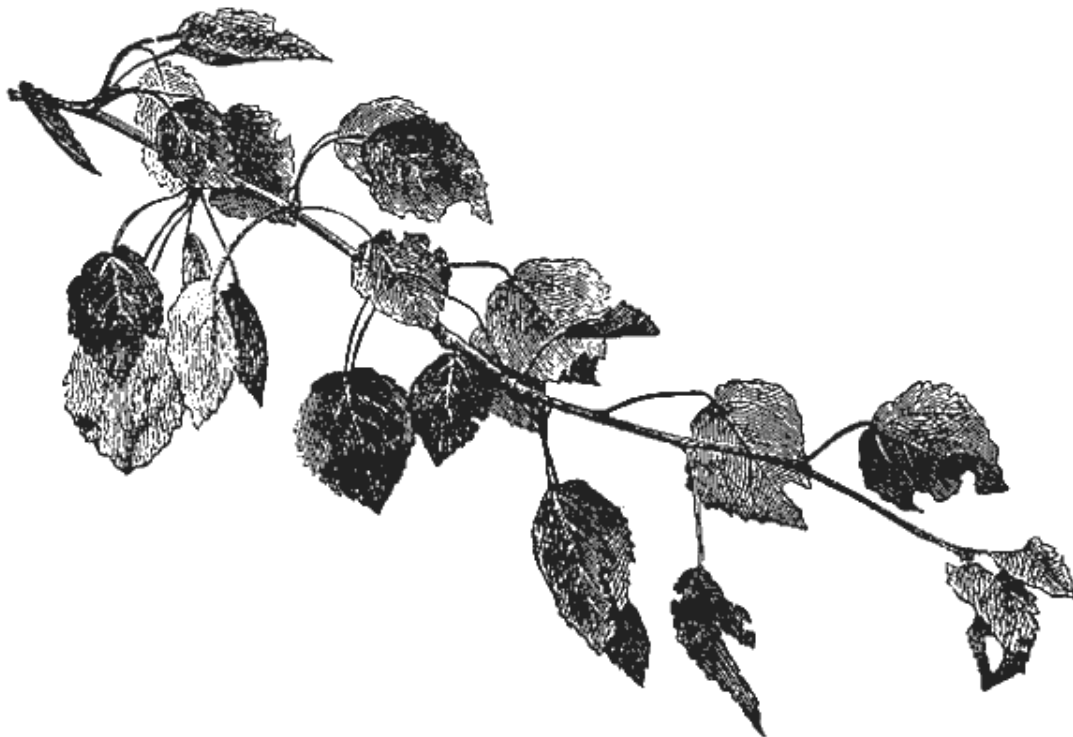
И я ухожу к пещерам под корнями, чтобы собрать вещи в дорогу. Навстречу мне выходит Джа'кейрус, и в кои-то веки на нём штаны, рубаха и даже куртка. За плечом – мешок с припасами и лук без тетивы, на поясе висит топорик, на груди – колчан.

– Повремени немного, – говорю ему, – подожди меня. Я не пойду с тобой по всем твоим дорогам, но, думаю, не будет вреда, если мы вместе дойдем до какого-нибудь изгиба тропы.

2. Осина

Изгой

Осина вынослива, терпелива и приучена опираться только на саму себя. Она всего боится, это правда – но правда и в том, что осина способна прорасти даже в преисподней.

Дмитрий Самохин

Мотылек

– Мы просто спим вместе, – сказал Крэг Шу по прозвищу Дракончик, младший брат из троицы братьев Шу, известных на весь Большой Исток.

– И что мне с того, что вы спите вместе. Нашел чем удивить. Ты мне лучше скажи, кто подбросил гром-пакет тетушке Пиу? Отчего она сделалась очень шумной и раздражительной, и мешала всем окружающим спать спокойно до самого утра, – поинтересовался я, смотря в честные глаза Крэга Шу.

Дракончик умел изобразить невинность. Только меня не обманешь.

– Преподобный, я тут ни при чем, – развел руками Крэг Шу.

– Конечно, ни при чем. А кто несколько дней назад обещал Сэму Доходяге, что расквитается с тетушкой Пью за гнусную пакость, которую она совершила над Лизой Бабочкой, с который вы, кстати, спите вместе. Старушка недолюбливает легких девушек. А кто так не легок на передок, как Бабочка, подбрось да выбрось.

– Красиво плетете, преподобный Крейн. Вам бы сказки писать да книжки издавать, – горько усмехнулся Дракончик и оправил свои встопорщенные усы.

– Зачем мне сказки, когда жизнь куда интереснее любых книжек, – сказал я и потянулся к стакану.

Дракончик пил «Протоку № 3». Я же гнусное пойло на дух не переносил. Хотя иногда по долгу службы приходилось употреблять. Особенно с Зеленым. Ведь Зеленый без «Протоки» даже разговаривать не станет. У него без «Протоки» мысль работает, как бы быстрее ее, родимую, раздобыть и употребить по глотку. Я всем напиткам предпочитал «Гиннес», вот это пиво так пиво, не то что ваша «Протока». Только вот добыть его в наших палестинах весьма тяжело. Власти в Большой Исток дорогое пойло не ввозят. Считают, что альтеры достойны только «Протоки» и прочих сомнительных удовольствий. Одна надежда на Ваню Бедуина. Он за кордон как к себе домой ходит и периодически приносит с собой что-нибудь интересное. Не для себя, так на продажу. Зная мои вкусы, а также вкусы ряда уважаемых горожан, он время от времени пригоняет с десятков коробок вкусного пива хозяину «Зажигалки», самого известного паба на весь Большой Исток. – Так скажи мне, Дракончик, если не ты обидел тетушку Пью, так кто же тогда такой смелый? – недоуменно спросил я.

– А я знаю, – разыграл обиженную невинность Дракончик.

Я ему не поверил. Может, конечно, и не он обидел тетушку, но уж точно знать должен, кто постарался. Только уперся гад, теперь ни слова из него не вытянешь. Вдруг у Ника Красавчег получится. Он скоро должен прийти.

Стоило мне о нем подумать, как дверь бара хлопнула, и в зал вошел наш любимый шериф. Он огляделся по сторонам. Утром в пабе мало альтеров. Люди делом занимаются, им некогда время свое пропивать. Вот к вечеру здесь будет не продохнуть. Появится весь цвет Большого Истока. Возможно, Зеленый или Злой выползут из берлоги. Раньше они все время вместе зависали, но в последнее время что-то промеж них случилось. Теперь не разговаривают, хорошо хоть ядом друг в друга не плюются. Хотя могут. У Зеленого после «Протоки № 3» в организме повышенное содержание кислоты. А Злой сам по себе ядовитый. Ему для этого ничего делать не надо.

Ник Красавчег приблизился к нашему столику, плюхнулся на свободный стул, заложил ногу на ногу и нахально посмотрел на Дракончика.

– Что, Шу, попался-таки? Судить тебя будем по всей строгости закона с прицелом на военное время.

– Какое военное время? Кто попался? Не берите мне на испуг, гражданин начальник. Я ни в чем не виноват, – не на шутку испугался Дракончик.

Красавчег только с виду такой добрый, а к типам сомнительным, способным на нехорошее, не просто строг, а предельно педантичен. Сказал посадит – значит, посадит. Сказал расстреляет, значит, пора читать отходную молитву.

– Военное время – оно всегда идет. Потому что вся наша жизнь война. А по остальным вопросам будь осторожен, Шу, потому что пока у меня никаких доказательств на тебя нет, но ведь будут. Что не может не успокаивать, – нахмурился Ник Красавчег, отчего стал неприятен. – Верно я говорю, преподобный?

– Так точно, подбрось да выбрось, – подтвердил я его слова.

– Так что гуляй пока, Дракончик. И не обижайся, если тетушка Пью захочет тебе отомстить. Мы ей сказали, что за бессонную ночь и траченные нервы ты ответ несешь.

– Но так же нельзя. Скажите ему, преподобный, – не на шутку испугался Дракончик.

– Нельзя, – согласился я. – Только вот и с гром- пакетом баловаться да людей невинных обижать тоже нельзя. Так что выясняй с тетушкой Пью, что можно делать, а чего нельзя. Думаю, у вас получится найти общий язык, подбрось да выбрось. А теперь свободен. Мечтаю, чтобы ты растворился, причем как можно быстрее, и не портил мне утро своим лживым лицом.

Дракончик хотел было что-то сказать, но обвел нас взглядом и убедился, что стоит воздержаться. Здоровье, оно одно на всю жизнь, а тут можно его запросто потерять. Он вскочил, бросил на стол десятку и убежал, не оглядываясь.

– Где ты пропадал все утро? Почему я должен с подозреваемым работать? – сделав недовольную физиономию, спросил я.

По лицу Ника забегали гримасы. Магия мужского обаяния. Вот Красавчег бабам нравиться умеет. Разве это опасное свойство? Но обычные люди считают, что да, поэтому и упекли Ника, как и всех остальных, в Большой Исток. Правда, живется нам тут намного лучше, чем снаружи. Ведь здесь все свои. А там я себя чувствовал чужим, лишним среди толпы.

– Ты не поверишь, я вчера с такой девчонкой познакомился, – мечтательно вздохнул Ник, закатывая глаза.

– Вот избавь меня от подробностей. Не хватает мне еще пошлятины для красоты ощущений. И так Дракончик все утро испортил, а тетушка Пью приперлась ко мне в семь утра и спать не дала.

Я провел ладонью себе по горлу, показывая, где я видел весь этот мир с его проблемами. И для убедительности намерений добавил:

– Подбрось да выбрось.

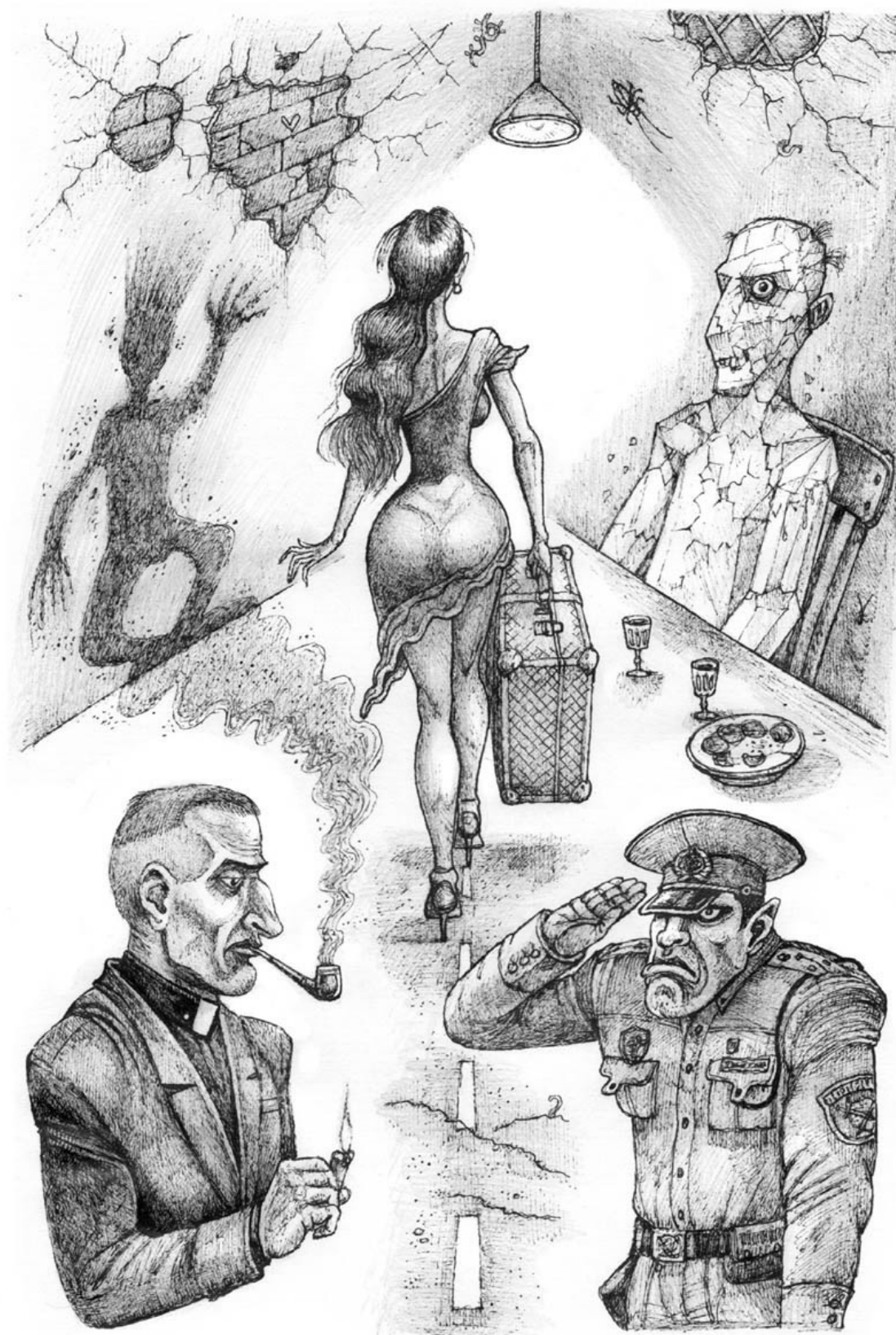
– Ладно, если ты не хочешь слушать, какой у тебя друг счастливый, то я тебе расскажу про другое, – радостно заявил Ник Красавчег.

Чутье подсказывало мне, что разговор опять пойдет про женщин.

– Ладно, делись, что ты сияешь как начищенный пятак, – разрешил я, прихлебывая пиво из большой кружки.

Захотелось курить. Я достал трубку, старательно ее набил, поджег табак и затянулся. Крепкий, зараза. Табачок из-за кордона мне Ванька Бедуин таранит. Куда ни посмотри, весь мир вокруг него крутится.

– Я тут по дороге в «Зажигалку» такую девчонку видел. Огонь. Черненькая. Сиськи во, попа ВО! Ножки стройные. И я ее не знаю, – развел руками Ник Красавчег.

– И что тут такого удивительного? – поинтересовался я. – Ты, конечно, мужик видный, но в Большом Истоке женщин много.

– Да дело не в этом. Понимаешь, идет вся такая краля, принцесса из народа, а в руках чемодан тащит.

– И что? Подбрось да выбрось, чемодан – удивительное дело. Ты, Красавчег, ближе к телу, точнее к делу, – потребовал я.

Как бы я ни старался показать, что новость мне не интересна, но отчего-то чемодан привлекал мое внимание. Может, у Ваньки Бедуина конкурент появился. Теперь чемоданами контрабанду таскать будет.

– Да тут не в чемодане дело. Вернее, конечно, в нем, но скорее в контрасте, – неожиданно выдал Ник.

– Теперь я понял, что ничего не понял, – зло заявил я. – Зеленого на тебя нет. Сейчас бы голову отгрыз за такие умные слова. Надо к народу поближе быть да попроще, чтобы каждый орк с тремя классами образования и длинным коридором тебя понял.

– Я вот что имел в виду, Крейн. Девушка типа принцесса, одета шикарно, все такое яркое, ухоженное. А тут чемодан. Ему лет сто еще в прошлом веке исполнилось. Потертый, засаленный, громоздкий, с большими ржавыми застежками. В общем, на какой помойке она откопала чемодан, один создатель знает. И теперь меня гложет вопрос. Зачем он ей потребовался, чемодан этот.

– Я тебе удивляюсь, Красавчег. Вроде мужик взрослый. Опять же шериф. А ведешь себя как мальчишка, подмышек не нюхавший. Ну, если тебе так интерес раздуло, подошел бы к девушке и снял опухоль. А то весь день мучиться будешь, а ночью страдать.

– Прав, Крейн. Чертовски прав. Вот сейчас сижу и думаю. Правда, чего я не подошел. А ведь тогда прошел мимо, цепанул взглядом, удивился, но растерялся как-то, – озабочился сильно Красавчег.

– Стареешь, Ник. Подбрось да выбрось. Раньше бы ты не позволил себе такую роскошь, как растерянность. Подумаешь, девушка. Ты когда в последний раз перед девушкой дар речи терял и превращался в слизня? На тебя это не похоже, Ник. Померь температуру, пока череп не взорвался.

– Прав ты, Крейн. Как всегда. Чего-то хватку теряю. Может, пора на пенсию.

Я прикончил кружку с пивом и задумался, стоит ли брать вторую. Или для одного утра одного Гиннеса вполне достаточно, чтобы почувствовать себя счастливым.

– Если ты уйдешь на пенсию, что тогда случится с Большим Истоком? Народные волнения и восстание обезьян. Лучше сиди на месте, так всем спокойнее. К тому же какая пенсия в неполные сорок. И не мечтай даже.

Все-таки я решил, что вторая кружка будет лишней. Мало ли что сегодня еще приключится, а я уже под градусом. Утреннее воздержание приводит к лучшему взаимопониманию с народом.

– Есть предложение, – сказал я.

– Весь внимание, – сгримасничал Красавчег.

– Чемодан был тяжелый?

– Пушинкой его назвать сложно, а до бетонной плиты чутка не дотягивал.

– Значит, с такой тяжестью она далеко не могла уйти. И если мы сейчас оторвем свои задницы от уютных кресел, подбрось да выбрось, то сумеем ее нагнать и удовлетворить твое любопытство. А то я за твое здоровье беспокоюсь. Нельзя же так себя изводить.

– Хорошо придумал, Крейн. Светлая голова, – обрадовался Красавчег.

– Так где, говоришь, ты ее видел?

– На Липовой возле магазина Доктора Бро.

– Совсем недалеко, – сказал я, поднимаясь из-за стола.

Но осуществить задуманное нам не дали. Дверь бара хлопнула, и к нашему столику присел Слава Не Пришей Рукав. Странное у него прозвище. Никто не знает, почему его так все зовут.

– Вот вы где. Я вас повсюду ищу.

- А чего нас искать, мы что, Эльдорадо.
- Там такое!.. Там такое случилось.
- Слава Не Пришей Рукав тяжело дышал. Видно, бежал всю дорогу.
- И что там опять у нас стряслось? – спросил Ник Красавчег.
- Коля Факел...
- Что Коля Факел, подбрось да выбрось, – красноречие Славы меня жутко раздражало.
- Коля Факел погиб.

* * *

Коля Факел личного приземления не имел. Снимал угол у тетки Клык Марьи Ивановны. Она владела домом номер 12 по Расторопной улице, место сомнительное, славы дурной, да и Коля Факел тоже не пай-мальчик. За ним такие дела водились, что если бы его поймали с поличным – сидеть бы ему до скончания веков в Доме Покоя.

На Расторопной мне доводилось бывать раньше, впрочем, как и Красавчегу. По долгу службы и не в такую клоаку приходилось лезть. Поэтому ничему не удивляясь и ни на что не обращая внимания, мы добрались до места происшествия. Воспользовались полетом, ведь если напрямик на колесах, то можно полдня потратить на блуждания. А тут взлетел и на месте.

Дом в пять этажей над землей, а шестой уже давно ушел под землю, был взят под контроль кентаврами, так в народе звали подчиненных нашего шерифа. На большой земле их величали грозно – легавые, а тут кентавры. Должны же наши копы от пришлых чем-то отличаться.

Опустившись на землю, мы направились к дому. По дороге нас перехватил ретивый капитан, командующий на объекте.

- Шериф, тут такое дело.
- Ты не телись, не в молочном цехе. Мне по ходу действия все рассказали. Сейчас на месте все глянем и заценим, – осадил его Ник Красавчег.

Капитан на меня даже не взглянул. Вот что значит почет и уважение. Боятся гады, знают, что я их подноготную могу до чистых ногтей вызнать. Мне для этого трудиться не надо. Достаточно только в глаза взглянуть.

- А где сейчас наша Мария Ивановна? – спросил Красавчег.
- Тетка Клык уехала к дочери в гости еще вчера вечером. Так до сейчас не вернулась, – отпарентовал капитан.

– Хорошо, что не вернулась. С ней мы завтра поговорим. Есть за что по душам потрепать, – сказал Красавчег. – А ты проследи, чтобы когда она вернулась, больше никуда не делась. А то мало ли что, какие у людей нервы.

- Будет сделано.
- И еще... зачем столько массовки по такому рядовому случаю. Всех лишних кентавров по стойлам. Незачем народ честной пугать грозным видом.
- Все будет исполнено, – испуганно отчеканил капитан и попытался отдать честь.

Комната, если тот хламовник, в котором мы оказались, можно было назвать комнатой, походила на берлогу медведя-алкоголика. Столько старья я за всю жизнь не видел. Похоже, дела у Факела в последнее время шли не очень удачно, и он решил переквалифицироваться в старьевщики.

- Чем в последнее время Коля промышлял? – спросил я.
- Раньше он с Бедуином время от времени ходил. На Большой земле промышлял грабежами, часто с поджогом, по призыванию. Мы на его фокусы глаза закрывали. Что на Большой земле происходит, то Большой Исток не касается. Но потом дело громкое вышло, его еще Школьным костром прозвали. Коля по пьяни не в то здание завернул. И вместо банка в школе оказался, спалил ее под корень. Хорошо, что дело ночью было, и никто, кроме сторожа, не

пострадал. Да и сторож отделался только алкогольным синдромом, недели две стресс после пожара водкой лечил. Так Колю после этого дела сильно пробрало, и он больше на Большую землю не ходил. Заело его, что мог он детишек невинных запечь. Вот уже два месяца из Большого Истока ни ногой. Пару раз пожарным помогал, больше ни в чем предосудительном замечен не был.

Красавчег изложил все предельно ясно. Но все-таки что-то меня в этой истории смущало. Совесть – оно, конечно, дело понятное. От нее, как известно, далеко не скроешься, все равно заест. Но вот откуда она могла взяться у такого прожженного циника, как Коля Факел – вопрос с подвывертом. На него попробуй ответить. Колька попал в Большой Исток не младенцем, а вполне взрослым дяденькой с устоявшейся психикой и жизненным укладом. Очень уж обычных не любил. А чего их любить, когда они его двадцать лет за человека не держали.

– С скромное жилье, подбрось да выбрось.

– А у тетушки Клык Марьи Ивановны хором нет. У нее рабоче-крестьянское общежитие. Да и с санитарными нормами вечные проблемы, – с ядом в голосе сообщил Красавчег.

– Так чего не прикроете?

– Если прикроем, где вся эта шушера ночевать будет. По домам солидным пойдет, горло драть будет. Лучше уж здесь под присмотром.

– Логично, подбрось да выбрось. Только одного не пойму. Говорили, Коля Факел погиб, только что-то тела не вижу.

Я оглянулся по сторонам. Нигде ничего подозрительного. Постель не прибрана. На шатком столе, застеленном дешевой китайской клеенкой, початая бутылка коньяка, две пустые рюмки, тарелка с недоеденной закуской, по которой бегал таракан, ища пути к отступлению, под столом наблюдалась пустая коньячная бутылка. Вот и весь натюрморт.

– Да, кстати, а где тело? Мы сюда что, жилищный вопрос приехали обсуждать? – возмутился Красавчег. – Капитан, проясни ситуацию. Капитан, ты где?

Капитан вырос как из-под земли. Попытался отдать честь, вышло скомканно.

– Осмелюсь доложить. Тела-то нет.

– То есть как нет, подбрось да выбрось, – изумился я до невозможности.

– В привычном понимании тела нет, – испугался капитан.

– Что значит в привычном, непривычном. Я перестаю вас понимать, капитан. Потрудитесь внести ясность, – закипел Красавчег.

– Так это. Вот все, что осталось от Коли Факела, – сказал капитан и кивнул на стену позади нас.

Резко обернувшись, я заметил огромное выжженное пятно на белой стене. Теперь понятно, почему я его не заметил. Пятно формой напоминало человеческий силуэт, поверить в то, что это все, что осталось от Коли Факела, было очень трудно.

– Подбрось да выбрось!!!

– И не говори, – выдохнул изумленный Ник Красавчег. – И как такое могло произойти?

– Чтоб мне быть таким умным, – ответил я. – Вы уверены, что пятно и есть наш потерявшийся? Других тел нет?

– Наши спецы соскоблили пепел со стены, провели анализ, достоверно пепел принадлежит Факелу. Даже Карма подтвердила, – смущаясь отчего-то, сказал капитан.

– Ну, если Карма подтвердила, то сомнений быть не может. Тогда мы в глубокой заднице. Я не представляю, что тут могло произойти, что нашего Колю так раскорячило.

– Будем копать, – сказал задумчиво Красавчег. – Одно ясно, Факел последний вечер своей жизни провел в бурной компании. И успел хорошо отдохнуть. Надо найти альтера, с которым вчера Коля умеренно возлиял. Капитан, ставлю задачу. Обойдите соседей, опросите народ, кто что видел. А мы с преподобным поедем. Нам тут больше делать нечего. Появится что серьезное, звоните.

* * *

– Ты слышал, Крейн, про нас с тобой уже стихи слагают? – поднимаясь по ступенькам крыльца, заявил Ник Красавчег.

– Подбрось да выбрось, неужели. И чем же мы так прославились и заслужили, – удивился я.

Наш народ стихосложением не очень-то балуется. Не та закалка. Правда, есть исключение – Дамиан Болтун. Тот любит покуражиться над словом. Понятное дело, от его слов мир чуть-чуть меняется. Грех не воспользоваться такой возможностью.

– Догадайся с трех раз, и оба раза как в небо, – Красавчег приземлился в кресло напротив и хищно осмотрел плетеный столик на предмет чем бы поживиться.

Сграбастал бутылку с вискарем, налил мне, не обнаружил второго стакана и, не церемонясь, хлебнул солидно из горлышка.

– Подозреваю, что во всем виноват Коля Факел, вернее его нелепая смерть.

– Зришь в корень. Хочешь послушать сатирические вирши?

И, не дожидаясь моего согласия, Ник продекламировал:

*Как у нас в Большом Истоке шум, переполох.
Преподобный и Красавчег уж не ловлют блох.
Все случилось очень рано в доме тетки Клык,
Из Коли Факела негодяи сделали шашлык.*

– Хорошо сказано, ничего не скажешь. Подбрось да выбрось.

– Там еще продолжение есть. Слушать будешь? – лукаво спросил Красавчег.

– Избави меня боже. Еще под вечер портить себе настроение. Как твои кентавры продвинулись в поисках злодея, прикончившего Факела? Или куплет и есть свежие сводки с полей?

– Других новостей сообщить не могу. Топчемся на месте. Соседей опросили, так они словно ослепли напрочь. Никого не видели, ничего не знаем, – развел руками Красавчег и облизнулся на вискарь.

– Подожди. А кто у нас на районе умеет глаза красиво отводить? – закралась мысль в голову.

– Проверял уже. Майк Гнутый к этому делу непричастен. Он уже три дня как животом мается, с белого друга не слезает. То ихтиандра зовет, то похоронные марши играет.

– Плохо. Версия красивая, – искренне расстроился я.

– А еще какие-нибудь светлые версии есть, Крейн? Или мы правда больше ни на что не годны?

Чувствовалось, что за последние два дня, что прошли с момента смерти Факела, Красавчегу сильно досталось. Работы шквал, а тут еще и общественность негодует, что среди них убийца как у себя дома разгуливает, и никто ничего не делает, чтобы помешать ему творить нехорошее.

– Пока в голову ничего не идет. Пусто, словно в бункере в раю. Кому мог Факел помешать. Он же мирный человек. На чужое никогда не зарился. А если и подрабатывал на себя чем незаконным, то никому от этого плохо не было, – задумчиво произнес я.

– Люди испуганы. И их можно понять. Может, встретимся со Злым. Он везде летает. Все видит.

– И что нам от Злого, подбрось да выбрось. Он-то, конечно, летает, только вот в окна к людям не заглядывает. Не поможет он нам. Надо кентавров твоих строить да по злым

местам пройтись. Может, кто что слышал. И внимательнее место преступления осмотреть. Не может там совсем следов не остаться.

В глубине дома послышался телефонный звонок. Вставать лениво, идти куда-то тем более. Вечер все-таки поздний, кому мог я потребоваться. Но телефон проявлял настойчивость. Пришлось уважить незнакомого собеседника.

В трубке слышно было тяжелое дыхание, словно кто-то со всех ног бежал на последний сороковой этаж небоскреба.

– Это дом преподобного Крейна? – спросили.

– Да. Чем могу быть полезен?

– Шериф у вас? Он к вам направлялся. Нам очень нужно с шерифом поговорить, – одышка усилилась.

– Ник, тебя хотят, – позвал я Красавчегу, зажав трубку рукой.

Вернувшись в кресло, я наплескал себе еще стакан виски, чувствуя при этом, что стоит закончить с вечерним удовольствием, иначе удовольствие прикончит вечер. Красавчег вернулся быстро, не прошло и пяти минут, при этом вид у него был весьма раздосадованный.

– Беда случилась, – сообщил он.

– Говори, – потребовал я, отставляя в сторону стакан.

Похоже, вечер перестал быть томным.

– Марка Одержимого прикончили.

– Подбрось да выбрось, – не смог я сдержаться.

* * *

Марк Одержимый был метаморфом, и проживал он на Караванной улице, что на углу возле Сытного рынка. Там же в свое время жила Роза Калейдойнен, известная на весь Большой Исток своей прозорливостью. Многие держали ее за гадалку, хотя на деле она просто умела прозревать будущее. Правда, недалеко и очень туманно, но ей хватало, чтобы зарабатывать на кусок хлеба и быть уважаемой в народе. Роза прожила долгую жизнь, но погибла при странных, так до сих пор и не выясненных обстоятельствах. Я помнил день, когда нашли ее тело, в мельчайших подробностях. И хотя с тех пор прошло уже десять лет, Караванная улица не изменилась. Все те же старые покосившиеся домики в три-четыре этажа с балкончиками. Их строили еще тогда, когда Большой Исток не был отдан под заселение альтерам.

Нас с Красавчегу встречали. Трое кентавров весьма грозного вида с надвинутыми на глаза фуражками и постными лицами. Видно, что на службе они уже давно. Без выходных целый месяц, и от одного вида потенциально опасных горожан их тошнит. Заметив нас, они подтянулись, козырнули синхронно и сделали вид, что при исполнении.

Одержимый проживал на последнем этаже в квартире номер 417. Когда-то там обитал Зеленый, в ту пору, когда он еще был законопослушным гражданином. Впрочем, это было очень давно. Марка прозвали Одержимым за то, что когда он сильно нервничал, начинал меняться. Повлиять на процесс и остановить никак не мог, единственный выход – успокоиться и начать думать о чем-нибудь приятном. Но у него не всегда получалось, поэтому соседи и знакомые порой становились зрителями невиданного цирка. Большой амурский тигр вдруг превращался в макаку, которая демонстрировала всем свой голый зад, после чего оборачивалась кабинкой общественного туалета. И так из одного в другое, Марк мог чудачить часами. Мальчишки-озорники, к которым уже давно пристально приглядывался Ник Красавчег, чтобы получить удовольствие от просмотра бесплатного цирка, время от времени жестоко шутили над Марком. Зная его впечатлительную натуру, они ему в квартиру то препарированного воробья подбросят, то выпотрошенную бродячую собаку. Марк впадал в буйство, и вместе со всеми остальными малолетние бандиты наслаждались его метаморфозами.

– О происшествии доложила соседка Марка. Она время от времени заглядывала к нему, чтобы помочь по хозяйству, – сообщил один из кентавров, вызвавшийся сопровождать меня и шерифа до места преступления.

– Чем себе на жизнь Одержимый зарабатывал? – спросил я.

– Он был краснодеревщиком. Нельзя сказать, что жировал, но и бедным его назвать сложно, – сообщил мне Красавчег.

– Так, а что же все-таки произошло, что мы сорвались с места и помчались на ночь глядя на другой конец города? – спросил я.

– На Марка опять что-то нашло, и он обратился, а вот вернуться назад никак не может. Есть подозрения, что уже никогда не сможет. Поскольку скончался от напряжения, – доложил Красавчег.

Мы оказались в просторной квартире из четырех комнат, заставленной древней мебелью. Чувствовалось, что здесь жил человек, который понимает толк в хорошей обстановке. По комнатам сновали кентавры, что-то обсуждали, что-то записывали, заглядывали в каждый угол. Шла привычная оперативная работа на месте преступления. На наше появление никто не отреагировал.

Вдвоем с Красавчегом мы обошли и осмотрели все комнаты. Ничего интересного. И никаких следов преступления.

– Подбрось да выбрось, и где же тут Марк? – спросил я.

– Сам не понимаю, – сказал Красавчег, оглядываясь по сторонам.

Ник остановил пробежавшего мимо кентавра и задал ему этот вопрос.

– Так ведь никто не знает. Он же обратился, а вот во что и как теперь выглядит, мы пока не знаем. Рядом с ним никого не было. Пытаемся вычислить.

Ник Красавчег выругался грозно, но кентавра отпустил.

– Что делать будем, Крейн? Народ узнает, паника поднимется, а нам пока даже тело не предъявить.

– Если тела нет, а мы уверены в его существовании, значит, надо искать.

Происходящее мне очень не нравилось. Я поискал глазами, куда бы присесть. Все стулья и кресла были завалены хламом, старыми журналами, раскрытыми посередине книгами, давно не стиранной одеждой. На большом столе, накрытом прожженной во многих местах старой скатертью, стояли большая бутылка водки и пара стаканов, несколько пустых пивных бутылок сгрудились под столом. Рядом с водкой стояла тарелка с закуской. Скромные несколько кружков колбасы, пара соленых огурцов, маринованные помидорчики и чеснок.

– Подозреваю, что в последний день жизни Марк с кем-то встречался и выпивал. Это похоже на Колю Факела. Тот тоже перед смертью отдохнул с чувством, расстановкой, – сказал Красавчег.

– Надо бы найти этих неизвестных собутыльников. Уж они-то точно должны что-нибудь знать, – сказал я, присев на краешек второго обеденного стола.

Кстати, а откуда в одной комнате два обеденных стола. Интересно, от жадности, или Марк взял работу на дом. Мне показалось, что стол подозрительно пошатнулся и словно бы вздохнул. Наверное, именно так честные люди сходят с ума.

В этот момент один из кентавров заглянул в комнату и подозрительно на меня посмотрел:

– Что вы сделали?

Ник Красавчег также с сомнением уставился на меня.

– Крейн, а ну-ка встань, – попросил он.

Я поднялся, пока еще не понимая, что происходит. Ник и безымянный кентавр осторожно приблизились к столу, на котором я сидел, и стали осматривать его со всех сторон.

– Кажется, Марка мы нашли, – через некоторое время сообщил мне Красавчег.

Я с подозрением воззрелся на обеденный стол. Большой, красного дерева, новенький, словно только что изготовленный. Кажется, еще даже лак не успел просохнуть. Странно, что я не прилип.

– Подбрось да выбрось!..

– Вот то-то и оно, – согласился со мной Красавчег и посмотрел на прозорливого кентавра. – Ты кто такой?

– Джек Браун, – ответил тот.

– Если я правильно помню, ты лучший следопыт. Можешь след взять?

– Я, конечно, попробую, но ничего обещать не могу. Я чувствую обрывки линий, но смогу ли раскрутить клубок, вопрос.

– Приступай, Джек Браун. Возьми с собой парочку кентавров, и попробуйте показать отличный результат. На рожон не лезть, найдете бандюгана, брать не пробуйте. Сразу меня с преподобным зовите.

Кентавр коротко кивнул.

– Выполнять!

Кентавр выбежал из помещения, словно легавая, взявшая след.

*На горе стоит кабак.
В кабаке сидит дурак.
Курит тот дурак табак,
Ждет, когда же свистнет рак,*

пробормотал себе под нос пожилой кентавр, вальяжно прогуливающийся по коридору.

– Думаешь, у Брауна получится найти преступника? – спросил я.

– Шансы есть. Но там, где из Коли Факела сделали силуэт на стене, никаких следов не осталось. Тут же есть зацепка. Если опять никого не найдем, завтра стихоплеты начнут новые вирши по улицам города распевать.

– С этим ясно, надо теперь подумать, как мы можем Марку помочь. Не век же ему столом жить, – предложил я.

– А чем мы ему помочь можем? Ты что-нибудь понимаешь в метаморфах? – спросил Ник.

– Я-то ничего в этом не понимаю. Но вот Рик Шепот в этом толк знает. Думаю, надо его просить о помощи.

Ник Красавчег поморщился, словно откусил добрую часть лимона.

– Тебе он, может, и поможет, Крейн. А меня даже на порог не пустит.

В этом была правда. Рик Шепот не любил Ника Красавчегу, и тому были причины.

* * *

Рик Шепот согласился нам помочь. Правда, при упоминании Ника Красавчегу зашипел на меня и посоветовал проваливать подобру-поздорову. Я никак не мог понять этого Рика. И чего он на Ника обозлился? Подумаешь, несколько лет назад замутил шашни с его бывшей женой. Предположим, в ту пору она еще не была бывшей. Но разве ж в том виноват Красавчег, ведь у него дар такой. А кто против дара сражаться будет? В какой-то степени все мы рабы своего таланта. Несмотря на это, Рик Шепот до сих пор терпеть не мог нашего шерифа и старался держаться от него подальше. Хорошо, что Шепот профессор математики, человек интеллигентный, а то в среде метаморфов до сих пор бытует обычай кровной мести. Устроил бы он нашему шерифу кровавую баню за поруганную честь, а так матрицы решает да корни из квадратных уравнений высчитывает – мирный человек.

Теперь о судьбе Марка Одержимого можно было не беспокоиться. Если его реально вернуть к человеческой жизни, Рик Шепот справится. Я сочинил для него пропуск на место преступления, чтобы кентавры к мирному человеку не цеплялись, и поехал домой. Было глубоко за полночь.

На обратном пути я встретил девушку с чемоданом. Ту самую, о которой мне так долго рассказывал Ник Красавчег. Она плелась по улице, и вид у нее был очень утомленный. И чего она повсюду со своим чемоданом таскается. И ведь что интересно. Сама такая утонченная, гламурная, вся на последнем писке моды, а чемодан у нее – крик о помощи из лавки старьевщика. Я даже не знал, что такие еще есть в Большом Истоке. Девушка шла по кривой улице, смотрела перед собой и о чем-то думала. Когда я проехал на своем красном Бьюике Роудмастере 1954 года выпуска с белой крышей, она даже не оглянулась.

Но вскоре мне стало не до нее. Мысли ушли далеко вперед. Похоже, мне не дадут покоя нынче ночью. О сне можно забыть глубоко и надолго. На крыльце моего дома сидел Крэг Шу по прозвищу Дракончик и курил какую-то гадость.

– О! Преподобный, я вот тут вас и дожидаясь, – обрадовался он моему появлению.

Отчего-то ответной радости я не испытывал.

– Что тебе надо? На часы ты хоть иногда смотришь, подбрось да выбрось?

– Так это... Я к вам по делу, – растерялся Крэг Шу.

– Дела могут и утра подождать. А моя подушка давно по мне соскучилась, – проворчал я. – Что тебе надо?

– Только поговорить. Ничего больше. Дайте мне пять минут, и все будут довольны. А овцы начнут сожительство с волками.

Я обреченно опустил в плетеное кресло и достал из кармана пиджака пакетик с трубочкой и табаком. Неспешно набив трубку, я раскурил ее и, наслаждаясь ароматным дымом, помолчал, собираясь с мыслями.

– Теперь говори. И надеюсь, твои новости сумеют развеять мою скуку.

– Не режьте меня без ножа и правды, преподобный. Мне таки есть что сказать за последнее чудовищные недоразумения, – развел руками Дракончик, достал из кармана куртки пачку сигарет, засунул одну в рот, подпалил и запыхтел.

– Слушаю тебя, Крэг, и замечь, я всегда к тебе хорошо относился. Другого бы выставил давно.

– Во-первых, хочу сказать за тетушку Пью. Мы с ней уладили наши непонятки. Теперь она счастлива. Я счастлив. Все счастливы.

– Счастлив это слышать. Ты ради этого мне спать не даешь? – я выпустил густой дым в ночной воздух. – Я пришел по поручению Общества. Оно просит вас передать, преподобный, что сильно обеспокоено произошедшим. И заверяет, что к беспределу не имеет никакого отношения. Ручаться за Зеленого и Злого не можем, поскольку они всегда отдельно от Общества жили и бедокурили.

– Это все? – недовольно пробурчал я.

– Почти. Общество просит передать, что если к ним в руки попадется негодяй, осмелившийся пугать честных граждан, то они его поймают и доставят вам или шерифу в целости и сохранности. Ну, разве что несколько ребер попортят, но только в процессе транспортировки, – при этом Дракончик соорудил такое честное выражение лица, что ему удалось бы провести суд присяжных, составленный из одних апостолов.

– Слушай внимательно. И передай Обществу. Слышал, слушал, думал... много... одобряю, – сказал я, поднимаясь из кресла.

Дракончик тоже вскочил со ступенек.

– Может, у Общества есть соображения, почему под раздачу попали Коля Факел и Марк Одержимый? – спросил неожиданно я.

– Так это. Общество не знает. И я не знаю. Их вроде ничего не объединяло. И незнакомы они были. Правда, есть кое-что. Оба любили выпить да баб любили. И все время в одном и том же магазине затаривались. В Бублике.

– В Бублике, говоришь, – задумался я. – Что ж, посмотрим на этот Бублик.

* * *

Следующие три дня прошли спокойно. Никаких тебе происшествий. Правда, и никаких следов. Надежда, что кентавры во главе с Джеком Брауном выйдут на след преступника, не оправдалась. Несколько часов они бегали по городу, все в мыле. В результате остановились напротив Храма, где след потерялся. В моем Храме все было чисто. Я проверил несколько раз. Даже кентавров пустил похозяйничать. Сильно рассчитывали мы и на Рика Шепота, который должен был попробовать вернуть к жизни Марка Одержимого. Только и у него ничего не получилось. Сказал, Марк впал в закорючелую форму, так что его теперь или по прямому назначению использовать, или на дрова рубить. Ему уже все равно. Он давно ничего не чувствует. А ведь мы так рассчитывали, что Марк придет в себя и расскажет, как все произошло. Вдвоем с Красавчиком мы совершили визит вежливости в Бублик, где Факел и Одержимый закупились провизией, но и тут нам ничего не светило. Продавщица, девушка прелестной внешности и девственной глупости, не смогла вспомнить ни одного, ни второго. Во время допроса все время сбивалась на гламурные сплетни из глянцевого журналов. В общем, утомила наши мозги так, что мы позорно бежали из Бублика и поклялись без лишней надобности на полкилометра к унылому заведению не приближаться.

Мы как раз подходили к Зажигалке, когда произошло третье преступление. На пороге бара нас нагнал Джек Браун, который торжественно задышающим голосом сообщил, что нас срочно ждут на 3-й Травяной улице в доме номер девять. Больше он ничего не сказал и хранил молчание до самого места назначения.

Сперва я хотел возмутиться, почему за нами не прислали машину, подбрось да выбрось. Можно бы, конечно, и долететь, но жалко было попусту силы тратить, да и погода в последние несколько дней стояла нелетная. Как только Злой умудряется облака утешить. Ведь несмотря на снега и дожди, каждый день взлетно-посадочную полосу тискают. Как выяснилось, зря я переживал. 3-я Травяная улица находилась всего в двух шагах от Зажигалки. Мы дошли за пять минут. При этом Джек Браун отказывался говорить, что стряслось, но постоянно повторял, что надо поторопиться, а то упустим.

Место преступления очень напоминало два предыдущих. Привычная холостяцкая квартира. Море хлама вперемежку с самым необходимым. Только одно отличало ее от того, что нам довелось видеть раньше. За похожим обеденным столом, накрытым на две персоны, за початой бутылкой коньяка и недоеденными закусками сидел человек. Если, конечно, так можно было назвать альтера, которого сильно заколдовали. И я его знал.

Перед нами сидел Ром Пломбир, известный на весь Большой Исток хирург. Золотые руки, как о нем все говорили. Он сидел за столом, печально уставившись на коньяк. В его взгляде читалось сожаление, что он уже не сможет прикончить бутылку и сбегать за добавкой. Половину его тела и часть головы покрывал толстый слой льда, и прямо на глазах он медленно нарастал, покрывая собой все тело. Стоял треск, словно при ледоходе. Губы Пломбира тонко подрагивали, зубы отчаянно стучали морзянку, а ледяная смиренная рубашка закрывала его целиком. Еще чуть-чуть, и она затянет полностью голову, перекроет дыхательные пути, и настанет конец.

Вокруг несчастного столпились кентавры и мучительно смотрели на страдания обреченного.

– Чего застыли, подбрось да выбрось! Помогите ему! – рявкнул я.

– Сбивайте лед. Не дайте ему задохнуться, – отдавал распоряжения Красавчег.

Кентавры его послушались, обступили Пломбира со всех сторон и стали обкалывать ледяные наросты. Сперва им удалось расчистить половину тела, но вскоре стало видно, что все это сизифов труд. Чем больше они скалывали льда, тем больше он нарастал.

– Может, Рика Шепота позвать? – предложил я.

– А он-то чем поможет? Рик по метаморфам специализируется. Тут другое заболевание, – отмахнулся от меня Красавчег.

– Тогда что делать будем?

– Нам Пломбира не спасти. Видно же. Не могут же кентавры до конца жизни обрабатывать Пломбира с утра до ночи. Даже если мне удастся выбить финансирование, вряд ли я найду достаточное количество добровольцев. Его же проще отпустить с миром, чем вечно спасать, – разочарованно процедил сквозь зубы Красавчег.

– Подбрось да выбрось, ну и положеньице. Надо спросить Плюмбира, что он думает. Может, наводку такую даст, что мы найдем негодяя.

– Мысль дельная, Крейн, – согласился со мной Красавчег.

Ник отдал приказ, и двое кентавров в мгновение ока расчистили голову Пломбира. От заморозки и переживаний Ром Пломбир поседел. Он усиленно стучал зубами и явно что-то хотел сказать.

– Ром, ты же меня знаешь не один год. Скажи, кто такое сотворил и как у них получилось? – спросил Ник Красавчег, сев напротив Пломбира.

– Ммммм... оооо... тттыылллееккк... – сумел отстучать зубами Пломбир. Глазами он вращал так бешено, что у меня возникло опасение, что они сейчас выпрыгнут наружу.

Мотылек – информация полезная, только вот она нам ничего не давала. Она как сложное зашифрованное послание без ключа. И что с ним делать теперь? В Большом Истоке, и я это знал точно, нет никого по прозвищу Мотылек.

– Мотылек. Мотылек, – поката́л на языке слово Красавчег и возмути́лся: – Какой такой Мотылек?

Ему это прозвище тоже было незнакомо.

– Отттппппууусстттте ммменняяя, – отстучал Пломбир новое послание.

— Кто такой Мотылек? — настаивал на своем Красавчег.

– Рррииттттааа Мммммоооотттыыылллеееккк, – выдал несчастный.

– Отставить сбивать лед, – распорядился Ник Красавчег.

Он потянулся за бутылкой, налил коньяк по двум рюмкам и кивнул мне. Мол, присоединяйся.

Я не заставил себя уговаривать и жажнул коньяк, как последнюю гранату в подступающего врага.

На наших глазах Ром Пломбир превратился в ледяную статую, и мы с этим ничего не могли поделать. Выпили за упокой его души. Потом еще выпили.

– Подбрось да выбрось, а чем Пломбир был знаменит? – спросил я.

С Ромой мы знакомы не были, и ко мне в Храм он никогда не приходил.

– Он людей морозил. Мог лед из ничего создать. Мгновенная заморозка.

– И что, злоупотреблял своей силой?

– Какое там. Никогда ничего никому плохого не делал. Разве что замороженный сок в жару для ребятишек.

– Подбрось да выбрось, ничего тогда не понимаю. И что за Рита Мотылек? У нас на районе отродясь никого с таким именем не водилось.

– Вот и я о том же. Три трупа и ни одной зацепки. Не повесишь же на столбе объявление: «Ищу Риту Мотылек. Просьба кто ее знает, обращаться к преподобному».

– Ник, обязательно надо соседей расспросить. Может, хоть здесь кто-нибудь что видел. И пусть обходом займется Джек Браун. У него нюх на все подозрительное.

Красавчег подозвал к себе умного кентавра и отдал соответствующее распоряжение. Браун козырнул и исчез.

Мы как раз допили коньяк, когда Джек Браун вернулся, ведя за собой подозрительного старичка замшелого возраста.

– Каков улов? – спросил я.

– Вот этот пень кое-что видел, – ответил Браун.

– Но-но, попрошу без оскорблений. А то вообще ничего не скажу, – проскрежетал старик. До чего же у него был неприятный голос.

– А вы что-то видели, дедушка? – зацепился за слова старика Красавчег.

– Я же об чем и говорю. В гости я пошел к тете Бесе. Она напротив по лестничной площадке живет. У нее вкусный чай очень. И телевизор показывает всегда. А не то что мой хлам – через раз и только две программы. Ночной канал для холостяков и магазин на диване. Мне сын уже сколько раз настраивал, но никакого результата. А зачем мне нужен ночной канал, если я уже давно забыл, как это делать, а что самое главное, зачем оно нужно. Да и от магазина на диване какой прок. Я вот в позапрошлом месяце не выдержал и купил у них набор ножей...

Похоже, старичок трудный оказался и с дефицитом общения. Если его не направить в нужное русло, то и к утру от него никакого толка не добьешься.

– Дедушка, так что же вы видели? – перебил его Ник Красавчег.

– Видел? Я видел? Ничего я не видел, – возмутился старик и огладил бороду. – Хотя постой, мил человек. Конечно, видел. Я же у тетки Бесе был в гостях. Она меня вареньем кормила и чаем поила. Ух, у нее и чай дюже вкусный...

– Так что же вы все-таки видели, дедушка? – чувствовалось, что Ник Красавчег еще чуть-чуть – и взорвется.

– Так видел я. Об чем и говорю, а вы меня все время перебиваете. И слова сказать не даете. По телевизору как раз передавали заключительную серию «Личное дело капитана Шевелящегося». Я его все время смотрю. Очень мне нравится актер, что главного героя играет. Чернявый такой, с бородкой, с вечно хмельным видом.

– Дедушка, – взрычал Красавчег.

– Так вот и говорю я, серия закончилась-то, я домой пошел, иду и вижу из квартиры вот енттой, где Ромушка проживает, выходит чемодан.

Или только мне одному показалось, но судя по злым лицам, все сошлись во мнениях. Старик просто издевается над нами.

– Какой такой чемодан? Дедушка, вы заговариваетесь. Может, вам доктора позвать?

– Не надо доктора, – твердо сказал старик. – Говорю я вам, из квартиры сперва чемодан вышел, такой старый, кожаный. У меня такой лет пятьдесят назад был. Еще во время войны. Потом девушка появилась. Молодая, красивая, модная.

* * *

Вот тебе и раз. Преступник у нас все это время под самым носом ходил, а мы на него внимания не обращали. Паскудная мысль глодала меня всю обратную дорогу. Судя по выражению лица Ника Красавчег, его она тоже не оставляла.

– А ведь она мне сразу подозрительной показалась, – наконец произнес Красавчег.

– Я ее тоже однажды видел. В общем, оба хороши. Новое лицо в Большом Истоке, а мы даже не полюбопытствовали: кто, откуда и чем человек дышит. А ведь сразу надо было связаться с Владом Таможенником и узнать, кто новый в Большом Истоке появился за последние несколько дней. Мы бы тогда сразу на Мотылька вышли, подбрось да выбрось.

– Не переживай, Крейн. Перехват уже объявлен. Скоро Мотылек будет сидеть у нас за решеткой, и мы тогда узнаем, зачем она учинила Большой Переполох.

Меня довели до самого дома. Я пригласил Красавчегу подняться ко мне, чтобы пропустить по стаканчику, но он отказался, сказал, что давно уже не спал в полную силу. Надо бы и отдохнуть. Завтра день трудный. Сил перед ним набраться следует.

Я вылез из черного служебного авто, попрощался с Ником и кентавром-водителем и направился по лужайке к дому. Открывая входную дверь, я ощутил странное предчувствие. Списал его на усталость и вошел внутрь.

Она была тут. Сидела на первой ступеньке лестницы на второй этаж, обнимала старый кожаный чемодан. При моем появлении она встрепелась и посмотрела на меня.

– Вы – преподобный? – спросила она.

– Вы – Мотылек? – уточнил я, хотя и без расспросов все было понятно.

Она кивнула и печально улыбнулась.

– Мне идти некуда. Я подумала, что вы можете меня приютить, – тихим голосом сказала она.

Вот так поворот событий. Она что, дурочка совсем, ничего не понимает. Каждый человек в Большом Истоке, даже новичок, в курсе, кто такой преподобный Крейн. И прийти ко мне – это равносильно сдаче с поличным.

«А девчонка красива, очень красива», – неожиданно подумалось мне. Осиная талия, упругие бедра, красивая грудь, божественное личико, черные волосы. В такую можно и влюбиться.

... Я почувствовал, как во мне зарождается какая-то посторонняя энергия. Девушка вытаращилась на меня, черты ее лица потеряли привлекательность. А меня коржило так, словно к мозгу подключили электростанцию и пустили постоянный ток.

Девчонка не сводила с меня глаз, подернувшихся слезами. Вид у нее был испуганный. Она не желала мне зла, но делала так, что скоро я отдам концы, подброюсь да выброюсь. Я рухнул на колени. Глаза сильно заболели. Я потерял их и обнаружил, что руки у меня в крови.

Девочка заплакала, схватила чемодан и бросилась к выходу. Обежав меня, она потянулась к ручке двери. В это время входная дверь резко открылась и ударила ее в лоб. Взмахнув руками, она упала навзничь. И в то же мгновение я потерял сознание.

* * *

– Ты в счастливой рубашке родился, Крейн, – заявил мне Красавчег.

Мы сидели на крыльце моего дома, попивали кофе и наслаждались солнечным утром. А ведь это утро я мог уже не увидеть.

– Я и сам себе удивляюсь, подброюсь да выброюсь. Мы же Пломбира тоже живым застали в процессе обращения, а остановить не смогли. Он умер. А меня с того света вытащили. И ничего. Даже глаза не слезятся, – отхлебнул я кофе и взял в зубы трубку. Пыхнул, затянулся и глубоко вздохнул.

– Это все Рик Шепот. Я его все-таки позвал на место преступления, показал, что случилось с Пломбиром, – начал Красавчег.

– И что, он стал с тобой разговаривать? – удивился я.

– Ну, я воззвал к его гражданской ответственности, – гордо заявил Красавчег. – Он осмотрел Пломбира. И дал наводку. Было о чем подумать.

– Когда же ты все это успел? – спросил я.

– Пока ты в бессознательном валялся. Кстати, пока ты был без сознания, и она тоже, процесс обращения не шел. Вот мы вас в искусственную кому и ввели. Так Мотылек до сих пор в ней находится. Есть подозрение, что если она очнется, ты начнешь умирать.

– Печально слышать, – сказал я.

– И все-таки. Преступника мы задержали, но я так и не могу понять, как она убивала. И зачем ей все это было нужно? – сокрушенно вздохнул Красавчег.

– Да не делала она ничего такого. Тут по-другому совсем дело обстоит, – вздохнул я.

– Так разъясни, Крейн. А то голова пухнет, словно тесто в квашне.

– Пока ты там возился с кентаврами, а я отлеживался от вчерашнего происшествия, я сделал то, что мы должны были сразу сделать. Связался с Таможенником и навел справки. Правда пять дней назад в Большой Исток приехала новая небольшая партия альтеров. Пять человек. И среди них девушка – Рита Мотылек. Я пошел дальше и раздобыл ее личное дело. Ничего примечательного. Девушка как девушка. Родилась, училась. Росла нормальным ребенком. Несколько месяцев назад у нее на глазах умер человек. Перед этим у них было свидание. Девушку задержали, допросили и отпустили. Против нее ничего не было. Потом произошло еще два подобных случая, когда здоровые мужики вдруг сердцем начинали страдать до летального исхода. Оба раза с ними была Рита. И тогда ею заинтересовались инквизиторы. Рассказывать тебе за этих тварей не надо. Они ищут таких, как мы, и отправляют в Большой Исток. Если случаются эксцессы, то убивают. Девушку поймали, убедились в том, что она альтер, окрестили Мотыльком. Она постоянно переезжала с места на место. Видно, за легкость в перемещениях и получила прозвище. Ее отправили к нам. В особенностях ее дара никто не разобрался.

– Глубоко копаешь, Крейн, – одобрительно покачал головой Ник. – Только все равно не понимаю, что же произошло.

– Я и сам не понимаю до конца. Могу сказать одно. Рита попала к нам в город и попыталась найти себе место. Но, видно, с деньгами было туго. Никого из знакомых. А Таможенник в тот день пил как сапожник и забыл о подъемных. Потом искать ее стал, да поздно. Она пошла по улицам в поисках ночлега. Набрела на Колю Факела. Он же был не дурак с девчонками пошалить.

– Это понятно. Но зачем она его? – спросил Красавчег.

– От испуга. Я сам почувствовал. Разговаривал с ней за жизнь, все хорошо было. Стоило подумать о ней как о женщине, тут меня и корежить начало, подбрось да выбрось.

– То есть пока Коля ее просто угощал да про красоты Большого Истока распинаясь, все было хорошо. Стоило ему попытаться подбить под нее клинья, так он сразу в тень на стене и превратился?

– Именно так. А Рита испугалась и убежала. То же повторилось с Марком, а потом и с Пломбиром. Потом и со мной.

– Хорошо, Крейн. Понятно почему, но не совсем понятно, как она это делала?

– Тут еще одно «но», Ник. Она не контролирует свою силу. Это происходит независимо от того, хочет она контакта с мужчиной или нет.

– Почему ты так считаешь?

– Вспомни первые свидания, подбрось да выбрось. Она пришла на них по доброй воле.

– Может, она просто деревенская дурочка и не понимала, что происходит? – предположил Красавчег.

– Вряд ли. Я с ней разговаривал. Не похожа она на деревенскую дурочку, – поспешил я его разочаровать.

– Остается вопрос, как она гробила поклонников?

– Именно в этом и состоит ее дар. Она обращает внутреннюю энергию против ее обладателя. В случае с альтерами энергия – их талант, их уродство с точки зрения обычных людей. Так Коля Факел остался всего лишь выжженной тенью на стене. Метаморф Марк превратился в стол и не смог вернуться назад, а Ром Пломбир обратился в ледовую статую.

– А ты?

– А мне Рита чуть не устроила спекание мозгов. Подбрось да выбрось, я до сих пор чувствую ее силу внутри себя.

Я долил горечи из кофейника в чашку и приложился. Пару глубоких глотков. Наслаждение.

– Что нам с ней теперь делать? – спросил Красавчег.

– Пока не знаю, Ник. Любая сила – это в первую очередь ответственность. Но Рита, как мотылек, летает повсюду совершенно бездумно. Она не знает ответственности, потому что не умеет контролировать свою силу. Если бы она научилась контролировать себя, ее можно было бы оставить жить среди жителей Большого Истока. А так... всем будет лучше, если она пока поспит в Доме Покоя. Может быть, мы придумаем способ контролировать ее силу и тогда разбудим ее.

– Мне это кажется жестоким, Крейн, – заметил Ник Красавчег.

– Подбрось да выбрось, у нас просто нет другого выхода, – выругался я, пыхтя любимой трубкой.

Уютный летний денек. Наконец-то долгожданное спокойствие. Надолго ли оно?

Ирина Лазаренко **Моральный урод**

Плотножоры только что вылетели с острова. Первого наблюдательного пункта они достигнут через десять минут.

– Наземные посты! – гаркнул профессор, и внизу, на планете, тринадцать выпускников подскочили за своими столами. – По сообщению аргулеты, с востока на континент надвигается неопознанная угроза. Классифицировать, подготовить описания-протоколы, составить докладные, считать экзаменационным заданием.

Профессор представил, как забежали наблюдатели по своим комнатушкам: как экзамен? Как сегодня? Без предупреждения, без подготовки, без последней ночи над должностными инструкциями, всего через три месяца стажировки, в одиночестве... Помогите!!!

Профессор ухмыльнулся. Ему нравилось нервировать людей. Хотя он был почти уверен, что двенадцать наблюдателей с задачей справятся, получают свой гриф «Годен без ограничений» и отправятся исследовать миры поинтересней этого благополучно-сонного безобразия.

Насчет тринадцатого наблюдателя профессор поручиться не мог. Даже если он справится с экзаменом – его вопрос будет решаться отдельно.

Тринадцатый наблюдатель с шестого поста был сыном знаменитого астронавта и редким моральным уродом.

* * *

Пост Клора был замаскирован под скалу на морском побережье. В периоды хандры Клор подолгу сидел перед монитором, на который транслировалась картинка с берега, мечтал посидеть у воды и бездумно попялиться на темно-голубые волны, зарыться ногами в песок и подышать настоящим, не синтезированным воздухом.

Покидать наблюдательный пост запрещалось. Климат планеты был предельно дружелюбным, но стажировка проходила «в полностью реальных условиях, без увольнительных, послаблений и сказочек на ночь, это понятно?»

Если Клор благополучно сдаст экзамен, то большую часть жизни он проведет на подобных станциях, без всяких там сказочек. Почетная, ответственная, важная работа – изучать планеты, потенциально пригодные для колонизации.

Самый восточный наблюдательный пост, замаскированный под зеленый пригорок, находился в лесу. Его и пост Клора разделяло чуть более двадцати километров.

Он вывел на все мониторы изображения восточного леса и поправил воротничок.

* * *

24 километра

«Неопознанная угроза» выглядела как туча саранчи. Клор хмыкнул. За три месяца на этой планете ему не попадались насекомые, которых стоило бы считать угрозой.

Просто большая подвижная туча буро-багряного цвета. Клор почти слышал, как насекомые шуршат, шелестят и чавкают – крупные, беспокойные, с длинными подвижными ногами. Подумалось, что когда туча волнуется и движется, она походит на встревоженно бьющееся сердце. Очень большое.

Он наблюдал, как это сердце приближается, пульсируя, а потом вытягивается в длинную ковровую дорожку и пикирует на оленьё семейство. Только тут Клор заметил оленей и понял, что животные бежали. Не разбирая дороги.

Буро-багряная туча ухнула вниз, облепила оленей, и те сразу упали, будто им перерезали сухожилия. Клор почесал в затылке.

С минуту насекомые ползали по животным, обсев их так плотно, что самих оленей нельзя было разглядеть.

Когда саранча схлынула и расползлась по траве, на месте трех оленей остались только кости и какие-то внутренности в обрамлении ребер.

Плотоядная летучая стая. Ого. Клор на ощупь дотянулся до кофеварочной панели, механически включил её. Насекомые ползали вокруг останков, и казалось, будто кости лежат на пушистом пульсирующем ковре.

* * *

21 километр

После краткого отдыха буро-багряная туча поднялась в воздух и продолжила путь на запад. Клор хрустел пальцами, вертел на столе чашку с кофе и плохо понимал, о чем говорится в статьях и заметках, которые выдал ему поисковик. Перечитывал абзацы по несколько раз.

Кровососущие летающие членистоногие. Насекомые, откладывающие яйца под кожу. Гигантские блохи. Не то. Всё не то.

Если эта плотоядная туча не отклонится от курса, то пролетит севернее одиннадцатого и третьего постов и выйдет к четвертому – возле рыбацкой деревушки, притулившейся в солнечном заливе.

Клор любил эту деревушку. Знал в лицо всех ее жителей. Собственно, за три месяца он выучил в лицо и по повадкам жителей всех селений у всех тринадцати наблюдательных постов и еще в других местах, где были установлены камеры наблюдения.

Он хотел бы предупредить людей об опасности.

Он не имел возможности и права предупреждать их об опасности.

Все эти люди, сами того не зная, составляли ему компанию в течение трех последних месяцев, и Клор привык к ним. Просто привык, строго говорил он себе. Как только начнутся настоящие испытания, он тут же абстрагируется от эмоций и начнет воспринимать аборигенов нормально, по-наблюдательски – как явление. Явления можно идентифицировать, классифицировать, описывать, изучать. Переживать о них – нет, нельзя. Ассоциировать себя с ними – совсем ни в какие ворота.

Клор одним глотком допил кофе и снова потянулся к кофеварочной панели. Если на этой планете водится подобная погань – разве жители не должны уметь угадывать ее приближение? Как-то противостоять? Спасаться?...

Да, они умели. Жители рыбацкой деревушки еще не могли видеть насекомых, на подлете их скрывали невысокие скалы. Но Клор видел, как они один за другим останавливаются, замирают, настороженно поднимают или наклоняют головы, прислушиваясь – хотя услышать насекомых с такого расстояния было невозможно. Потом люди вскакивают, машут друг другу, кричат. Со всех ног бегут к хлипким деревянным домикам.

Кофеварочная панель ворчала. Нечитанные страницы справочников укоризненно смотрели на Клора с боковых мониторов. Сам наблюдатель сидел с приоткрытым ртом, вцепившись в столешницу, подавшись вперед, и смотрел на четыре больших монитора. Там мельтешили человеческие фигурки.

Люди бежали отовсюду. С пляжа, из ближнего лесочка, с моря – Клор видел, как рыбаки налегают на весла своих лодчонок, ему даже слышался скрип уключин, и он видел, как шевелятся губы мужчин: вот этот молится, а этот ругается, а этот что-то кричит остальным.

Захлопывались двери и ставни. Увязая в песке, бежали опоздавшие, падали и суматошно, взмахивая руками, вскакивали снова, бежали дальше, поднимая фонтаны мелкого медового песка. Их ждали. Распахнув настежь двери, люди подпрыгивали у порога, махали руками, кричали. Двери нескольких домишек были закрыты.

Клор почти улегся грудью на стол. Кофеварочная панель выдала трель готовности, он не услышал.

Над скалой поднялась буро-багряная туча. Бегущие остановились. Двери домиков захлопнулись, и Клор почти услышал их сухой стук. Как гвозди в крышку гроба.

Один рыбак упал на песок, вжался в него всем телом, закрыл руками голову. Другой кричал и махал камнем, подхваченным из-под ног. Остальные, опомнившись, снова побежали к домам, но даже Клор понимал, что они не успеют.

Он стиснул в кулаки взмокшие ладони. Багряное облако ринулось вниз, обернуло восьмерых человек дрожащими покрывалами, и те кулями рухнули на песок.

* * *

Клор помнил, как пять лет назад сидел в кабинете школьного психолога и с выражением вежливого внимания смотрел на монитор. Там были графики. Яркие, несерьезные и очень простые графики, от одного вида которых начинали ныть зубы.

– Сколько видов живых существ есть во вселенной?

– Два.

– Назови.

– Люди, вышедшие с Земли, освоившие космос, расселившиеся в нем. И все остальные.

– Все остальные – какие?

– Низшие, – заученно отчеканил Клор. – Интеллектуально, социально, цивилизационно.

– Излагаешь верно, – психолог поманил монитор, и тот развернулся к нему мордой. – А чувствуешь – нет. Ты склонен очеловечивать низшие формы разума, знал об этом?

– Да. В детстве у меня собака была. Я считал, что она рассуждает так же, как я. И всегда понимал, что она чувствует.

– Кто-то подарил тебе собаку?

– Нет. Она на улице привязалась. Я увидел, что она голодная и ей страшно. У меня был бисквит. Я покормил её и привел домой.

Психолог провел пальцами по сенсоре.

– В колонии Рем-четыре собака не могла просто ходить по улице.

– Она с беговой площадки была. Ей пять лет исполнилось, старая для бегов, и хозяин её в лес увез. Пожадничал платить за утилизацию, была зима, он думал, собака просто околеет там и всё. А она смогла добраться до города. Того заводчика потом нашли и оштрафовали, а отец говорил, что на утилизации своих собак он всё равно сэкономил больше, чем заплатил штрафа. Собаку подвергли ветеринарному осмотру, потом приходили представители санитарных компаний, детская надзорная служба, семейный врач. Мне разрешили оставить её.

– И тогда ты понял, что очеловечиваешь низших существ.

– Да. Только я действительно её понимал.

– Конечно-конечно, – психолог снова махнул рукой, разворачивая монитор, и перед носом у Клора оказалась сложная динамическая инфографика. – Всенаправленная эмпатия.

– Что это?

– Атавизм, – пояснил психолог, окончательно запутав Клора. Увидел его растерянное лицо и вдруг рассмеялся, – «атавизм» – это слово-атавизм. Не пугайся, ничего страшного. Все мы в какой-то степени эмпаты, тут нечего бояться или стыдиться. Но в отношении низших существ... Атавизм. Ну, знаешь, как щетина на лице у некоторых людей. Ничего стыдного, ничего непоправимого, но только не в том случае, если ты намерен учиться на наблюдателя. Как ты собираешься работать с низшими существами, если будешь очеловечивать их? Ты же сорвешься и вмешаешься в нормальное течение жизни на какой-нибудь планете, бросишься кого-нибудь спасать и поставишь под удар весь исследовательский проект. Кто тебе допуск выдаст с такими рисками? Не усложняй себе жизнь, выбери специальность, не связанную с низшими – и всё будет хорошо. Может быть, экологическое направление, а? Будешь терраформировать планеты – отличная, нужная работа! Нет? Космозаводское направление? У тебя хорошие задатки. Криобиология? Очень перспективно.

Но Клор уперся. Он считал, что ему прямая дорога в наблюдатели – с его памятью и логическим мышлением, замкнутостью и любовью к черному кофе из системы Того...

Пройти вступительные препоны помог отец, договорившись об особых условиях: сына обучают как наблюдателя и параллельно, с первого же курса, он берется за изучение второй специальности. Клору было стыдно, что за него хлопочут, как за маленького, но он хотел, очень хотел стать наблюдателем. Второй специальностью он выбрал пусконаладочную, так что теперь мог самостоятельно собрать-разобрать на своей станции всё, от полуживой материи-оболочки до кофеварочной панели. Даже без роботов.

Но мечтал он о карьере наблюдателя. О далеких неисследованных мирах. О новых формах жизни. О схемах, отчетах, сводных таблицах, аккуратных колонках цифр и примечаний.

Он был уверен, что постепенно избавится от своего «атавизма».

У собаки Клора было имя. Но об этом никто не знал. Даже его родители.

* * *

15 километров

Вместо того чтобы «наблюдать и классифицировать угрозу» Клор прикидывал маршрут буро-багряной тучи. Просчитался – она вышла не на приозерный лес, а на горное селение у восьмого наблюдательного пункта.

Клор выругался и ударил кулаками по столу. Кофейная чашка тихонько дзинькнула.

В этих пятнадцати домах горного селения жили самые неспешные и незлобивые из всех его «подопечных». За исключением одного человека, пришедшего сюда месяц назад. Невысокий чернобородый мужчина поселился в доме женщины, которая, как понял Клор, вдовствовала.

Ни самой женщине, ни её сыну лучше от этого не стало – мужчина регулярно колотил обоих. А Клор ругался, вставал из-за стола, нарезал круги по отсеку и потом сосредоточенно избивал грушу в спортзале. Он был уверен, что чернобородый непременно «потерял» бы мальчишку в лесу или у горной речки, если бы тот был помладше.

– Пятый и седьмой классифицировали угрозу, – заявил голос профессора из сотоклипсы, и Клор дернулся. – Очень хорошо. Остальные – подтягивайтесь.

Клор потряс головой и вывел на большие мониторы результаты поиска – длинные перечни энциклопедий, справочников, отчетов. На маленьких мониторах бегали люди, спешили к своим домам. Буро-багряная туча неслась прямо на деревушку.

Сын вдовы выскочил из-за дальнего изгиба тропы, побежал к дому, бросив по дороге кузовок с малиной. Ягоды плеснули красным, буро-багряное надвигалось сверху.

Клор смотрел на монитор, его руки с растопыренными пальцами зависли над сенсотурой.

Если жители чувствуют приближение насекомых – почему бы им не делать этого раньше? Еще одна-две минуты – и не было бы никаких жертв. Что заложено в этом предчувствии, в этом временном промежутке?

Навстречу мальчишке выбежала мать. Схватила сына за плечи, потащила к дому. Он тут же обвис и вцепился в платье у нее на спине.

В дверях появился чернобородый мужчина, закричал что-то женщине в лицо. Схватил ее за руку и потянул, стал отрывать уцепившегося мальчишку, выталкивать его за порог.

– Я убью этого уроды, – вдруг сказал Клор и не узнал своего голоса. – Я приду и забью его насмерть кофеварочной панелью.

Буро-багряная туча была уже почти над домом. Мальчишка, очнувшись, разжал пальцы, выпуская материню платье, увернулся от отчима и бросился в дом. Лицо чернобородого искалось, и Клору показалось, что он слышит басовитый яростный рык. Мужчина втащил в дом женщину и потянул на себя дверь.

И тут же вылетел из нее, словно лосось из воды. Клор увидел его рот, раскрытый в вопле, и бледное женское лицо со сжатыми губами. Мгновение она смотрела на чернобородого, а потом захлопнула дверь.

Клор успел отметить, что «ковровая дорожка», ринувшаяся вниз, стала короче. Потом буро-багряное покрывало обняло человеческое тело, и вместе они рухнули на порог.

Куда делись другие насекомые? Будет вторая волна?

* * *

9 километров

Мелкие мухи, выкусывающие частички кожи. Гигантские стайные клеще-пиявки, которые вначале обескровливают, а потом обглаживают тело. А, вот она, плотоядная стайная саранча!.. нет, не подходит – питается падалью...

Жизнь старика и его собак была размеренной и скучной. Но когда Клор наблюдал за этой троицей, на него снисходило удивительное умиротворение. А самое главное – из их быта он узнал много полезного, что могло пригодиться колонистам, если бы они прибыли сюда для поселения.

Может, у Клора не вполне еще получалось относиться к аборигенам как к явлению, но работать с информацией он умел.

Наблюдатель прищурился на монитор, хотя все было видно прекрасно. Насекомых стало еще меньше.

А седой старикан с добрыми глазами сидел на пороге своего жилища и улыбался. Большие, коричневые от загара руки лежали на спинах собак, артритные пальцы перебирали густую пепельную шерсть. Все трое спокойно смотрели на буро-багряную смерть, которая летела к их бревенчатому дому. Открытая дверь была прямо за их спинами, но они не обернулись. Старик щурился и улыбался солнцу. Собакам было жарко, они часто дышали, высунув языки и тоже, казалось, улыбались.

Буро-багряные покрывала обнимали три тела несколько минут, а потом рассыпались по траве.

* * *

Клор сидел, упершись лбом в ладони, и тупо смотрел в полупустую чашку. Почему старик и собаки не ушли в дом? На этой планете нет более приятных способов покончить с собой?

– Первый, второй и десятый классифицировали угрозу и подготовили описания-протоколы. Жду докладных. Пятый и седьмой задание завершили. Остальные – подтягивайтесь.

Клор сердито отодвинул чашку.

Убрал из выдачи общие энтомологические справочники, вывел результаты локальной базы. Долго листал страницы, постукивая по сенсотуре, потом раздражённо махнул на боковые мониторы, и те погасли. Плевать, куда полетят насекомые дальше. В конце-то концов!

Муравьи, которые вбуравливаются под кожу. Стрекозы, объедающие уши. Чего только не находили наблюдатели на планетах, потенциально пригодных для колонизации. Даже тлю, которая питается ногтевыми пластинами.

Ага. Шевеля губами, Клор дважды перечитал полторы страницы из отчета наблюдательницы, изучавшей теплую планету в пяти световых годах отсюда. Потом снова включил боковые мониторы, улегся на стол животом, опрокинув чашку. Черная лужица кофе растеклась по столешнице.

Продолжая шевелить губами, Клор рассматривал картинку с тех мест, где пролетали насекомые. Останки оленей, собак и старика лежали там, где их настигла смерть. В рыбацкой деревушке и горном селении складывали погребальные костры.

В селении – спокойно, деловито. Никто не делал вид, что так уж расстроен смертью чернобородого, хотя лица у людей были приличествующие случаю, скорбные – но Клор ясно видел, что это лишь вежливая мина. Женщина и ее сын держались за руки, и взгляды у них были виновато-счастливыми.

По рыбацкой деревушке разлилось горе, искреннее и всеохватывающее. Клора раздражали горестные лица людей, которые закрылись в своих домах, не попытавшись спасти опоздавших.

Пусть это было невозможно. Пусть рыбаки это знали. Но...

А собственно, что – «но»?

Задумчиво покусывая губу, Клор смотрел на троих осиротевших детей, которые с отчаянно-гневными всхлипами колотили пятками по песку. Наблюдатель кивнул, откинулся в кресле. Прищурившись, наблюдал, как вновь поредевшая буро-багряная туча пикирует на корову, что пасется на выгоне за деревенькой у поста номер девять, в четырех километрах отсюда.

Корова принадлежала румяной полной бабе, которая наверняка сейчас рыдает в избе над судьбой своей кормилицы. Но животное, подвернувшееся на пути насекомым, невольно спасло жителей деревни. Успели добраться до своих домов все селяне, включая древнюю сварливую бабу, гревшую кости на лавке у забора, и пятерых детей, которые плескались в прудике у другого конца деревни.

* * *

3 километра

– Третий, восьмой, девятый, двенадцатый классифицировали угрозу. Первый, второй и десятый задание завершили. Жду остальных.

Клор заканчивал заполнять описание-протокол. Угроза описана ранее, идентифицирована. Класс пять. Плотожор. Плотоядная саранча, охотится стаями, не контролирует количество съеденного. Летучая стадия – завершающий этап развития, наступает в конце сухого сезона.

– Дохнет от пережора, – с удовольствием сказал Клор.

Это означает, что насекомых действительно становится всё меньше, и этот кошмар не будет длиться вечно. А ему не нужно наблюдать за их дальнейшим полетом. Плотожоры – фактор опасности, аборигены – явление, экзамен благополучно сдан. Дадут ли ему допуск? Возможно. «Годен с ограничениями». Но все-таки годен.

Клор вывел на мониторы изображения окрестных селений. В каком из них закончится пиршество?

Наблюдательница, первой описавшая это явление, назвала саранчу «санитарами селений и лесов». Клор с удовольствием привязал бы поэтичную коллегу к дереву на пути багряного роя и поинтересовался, не изменился ли её взгляд на санитарию.

А ведь местные жители знают, что чем больше насекомые сожрут, тем короче будет их полет. Это знал старик с добрыми глазами. И его собаки – верные, мудрые и тоже очень старые.

Между десятым и шестым наблюдательными постами возилась в песке девочка лет пяти. Дом был слишком далеко, она бы не добежала до него. Да и не пыталась. Сидела, таращила круглые глаза на буро-багряную тучу, неуверенно махала на неё деревянной лопаткой.

Мать побежала за ребенком. Отец – за матерью. Так на пляже все трое и остались: обглоданными костями подле недостроенного песчаного замка.

Клор громко выругался, швырнул кофейную чашку в стену и вскочил из-за стола.

* * *

0 километров

Он сидел на берегу моря и грел в руках бокал с коньяком. Штаны подвернул и зарылся ступнями в мокрый песок. Сверху его понемногу подмывали крошечные теплые волны.

Клор щурился на нежаркое вечернее солнце и улыбался.

Он не стал гадать, кого еще успеют сожрать насекомые до того, как окончательно передохнут. Молодую пару, которая живет в бунгало, что в двух километрах западнее поста? Или кого-нибудь из плантаторов, что выращивают хлебные деревья в южном селении, у поста номер семь? А может быть, близнецов-смолокуров?

Клор обернулся, отсалютовал бокалом ошметкам охлажденной вырезки на песке и мертвой саранче. Последней. Самому Клору этого количества мяса хватило бы на пару недель. Сотня насекомых справилась за пару минут.

– Единственный раз, – ожил в сотоклипсе голос профессора, – единственный раз за пять лет учебы ты умудрился превзойти мои ожидания. Сегодня.

Клор сделал еще глоток. Он не обольщался насчет профессора и его ожиданий. Он хорошо знал инструкции.

– В плохом смысле, разумеется, – добавил профессор, – такого демарша даже я от тебя не ждал!

Клор смотрел на море и улыбался. И молодая пара из прибрежного бунгало, и плантаторы, и близнецы-смолокуры, и все другие обитатели ближайших селений – они будут жить.

– Быть тебе техником, парень, – припечатал профессор, и в его голосе звучало удовлетворение (*так и знал!*) пополам с сожалением (*пять лет потратил на этого урод!*) – К работе наблюдателя непригоден.

«Наверное, мне нужно было родиться триста лет назад, – думал Клор, – когда врачами, пожарными, спасателями были люди, а не машины».

– Вы правы профессор, – сказал он вслух, растянулся на горячем песке и поставил бокал на живот, – нельзя мне верить наблюдательный пост.

Профессор молчал, но Клор знал, что сейчас он важно кивает и поджимает губы. Помолчал, глядя на птицу, парящую в сине-сиреневом небе.

– Я – моральный урод. Неполноценный элемент общества. Только знаете, профессор, почему-то никогда прежде я не чувствовал себя таким... бесконечно нормальным и полноценным.

3. Сосна

Одиночество

Символ непоколебимости и жизненной силы, хранящий от зла. Еще сосна ассоциируется с бессмертием – может быть, поэтому она и предпочитает уединение.

Дмитрий Самохин **Плакса**

Вечер не задался сразу. Без приглашения на огонек заглянул Зеленый – небритый, хмурый. Сердито оглядел прихожую, глухо поинтересовался, не видел ли я Злого, и, неодобрительно скривившись, ушел в неизвестном направлении. Совсем Зеленый распоясался. Никакого почтения. Раньше бы он себе такого не позволил. За неделю бы записался на прием да на пороге бы полчаса жался, боясь позвонить. Определенно мир сходит с ума, и я вместе с ним.

Только я собрался забраться в постель и почитать книгу на ночь, как во входную дверь опять позвонили.

Подбрось да выбрось, кого опять нелегкая принесла? Если Зеленый балуется, то придется ему внушение сделать, чтобы больше неповадно было. Я на это способен.

По пути к двери я придумывал, что бы такое внушить нашему бузотеру. Заставить его поверить в то, что он больше не пьет? Неинтересно, да и было уже неоднократно. Может, ремонтировать его окончательно, чтобы стал тише воды и ниже травы, полюбил детей и составлять букеты из сухих цветов? Идея умерла, не родившись. Тогда на Большом Истоке совсем скучно станет. Даже не о чем будет поговорить. Но все же как-то надо отомстить. Я уже совсем было решил, что заставлю его поверить в то, что он дворовая собака, пусть побегает пару деньков по улицам на четвереньках. Открывая дверь, я заранее наслаждался зрелищем, но на пороге стоял не Зеленый.

– Добрый вечер, Магистр, вот уж кого не ожидал увидеть, – сказал я с почтением в голосе. Пахнуло холодом.

– И вам доброго вечера, преподобный. Могу я войти?

Я посторонился, пропуская Бориса Магистра в дом.

Что могло понадобиться Учителю Большого Истока в столь поздний час? Даже представить себе страшно. По пустякам он не стал бы меня беспокоить. Да я и не припомню, когда он в последний раз покидал школьные стены. Давно это было. Все, что ему нужно, поставлялось за счет администрации района курьерами. Ему даже продукты домой возили. Борис жил затворником, но прекрасно справлялся со своей работой. Он был Учителем по призванию, талант у него такой, особый.

В гостиной я пригласил Бориса занять место в одном из кресел. Он выбрал правое. Я предложил ему что-нибудь согревающее, на улице холод, а идучи пешком от школы до моей обители, совсем замерзнуть можно. Он отказался. Я налил себе стакан виски и сел в свободное кресло, внимательно разглядывая Магистра.

Никто не знал точно, сколько ему лет. Внешне казалось под пятьдесят, но даже самые древние старожилы, которые провели в Большом Истоке по полвека, утверждали, что Учитель воспитывал их, помнили его уроки. Складывалось впечатление, что он был всегда. Невысокого роста, плотного телосложения, крепкий, словно выдержанное виски, аккуратные черные усы, большие добрые и мудрые глаза с хитринкой. Обычно, когда Борис разговаривал со мной, он улыбался, словно знал обо мне что-то такое, о чем я пока не догадывался. Но не в этот раз.

– Что привело вас ко мне, Магистр? – спросил я.

– У меня очень деликатное дело, преподобный. Я надеюсь, вы понимаете, что просто так не стал бы вас беспокоить. Но у меня нет никаких фактов, только предчувствия. Очень нехорошие предчувствия. Что-то должно случиться...

– Случиться? – переспросил я. – Но что может случиться и с кем?

– С детьми.

– Подбрось да выбрось, Магистр, я, конечно, уважаю ваши седины, но все же, может, вам стоит отдохнуть. Вы слишком приросли к нашим детям, вот вам и мерещится разное.

– Не знаю, – растерянно произнес Борис. – Вчера цветы в школе на третьем этаже завяли и почти сразу засохли. К чему бы?

– Поливать чаще надо, – сказал я.

Магистр грустно улыбнулся, и вид у него сделался словно у собаки, потерявшей хозяина.

Стало не по себе. Я глотнул виски, чтобы заглушить неприятную тревогу, закружившуюся в душе.

Мы проговорили часа два. Больше Борис не говорил о своем беспокойстве. Так. Обсудили общие вопросы. Я предложил ему чай, он согласился. А потом резко вдруг засобирился и ушел. Я проводил Учителя до дверей и думать забыл о его тревоге и предчувствиях. Устал человек, бывает.

А наутро случилось страшное...

Утром меня разбудил Ник Красавчег. Он позвонил и огорошил:

– Дети пропали.

– Как пропали? Какие дети? – не понял я спросонья.

– Из школы пропали. Подробности не знаю. Учитель все расскажет. Я через полчаса за тобой заеду. Никуда не уходи.

Ну куда я могу уйти в десять утра, подбрось да выбрось, если я даже еще из кровати не выбрался. Наскоро принял душ, почистил зубы, оделся, съел бутерброд с сыром и колбасой, выпил крепкого чая и ждал шерифа на крыльце, пыхая в морозный воздух сигарой.

Ник приехал вовремя. Я загрузился в машину, и мы отправились по адресу.

Школа Большого Истока находилась в конце Кленовой улицы. Белое четырехэтажное здание с футбольным полем, огороженным железным забором, чтобы жителям соседних домов неповадно было домашних псов по утрам выгуливать там, где детям днем играть и заниматься. Правда, все равно выгуливали. За каждым же не уследишь. Ворот нет.

Выбравшись из машины, я направился вслед за Красавчегом, который взбежал по ступенькам крыльца и нырнул в открывшуюся дверь.

Магистра мы нашли в учительской. Он сидел над кружкой чая и тяжело вздыхал. Напротив него замерли другие преподаватели, боялись нарушить священное молчание. Две девушки, одинаковые с лица, одна чернявая, вторая блондиночка, кажется, я видел их раньше у себя в приходе, и седой мужчина сурового взволнованного вида.

При виде нас они засуетились, словно стайка вспугнутых воробьев. Борис поднял голову и оглянулся.

– Ах, вы, – сказал Магистр.

– Преподобный, я же говорил, – добавил он.

Мне нечего было ему ответить. Сам всю дорогу к школе мучился вопросом: смогли бы мы уберечь детей от беды, если бы я вчера поверил старому Учителю? И пришел к выводу, что мы могли бы попытаться.

– Расскажите по порядку, что у вас стряслось? – попросил я.

– Пусть они расскажут. Я не могу, – ответил Борис.

Выглядел он подавленно. Самые худшие опасения сбылись.

Удар на себя принял завуч – худой болезненного вида мужчина неопределенного возраста:

– Утром уроки, как обычно, начались в половине девятого. Но на занятиях в каждом классе не хватало детей. Мы сперва не обратили внимания. Мало ли, заболели. Погоды холодные стоят. Осень на дворе. Но Дарья вот решила позвонить родителям одного мальчика, что-то по учебе понадобилось... не важно, выяснилось, что мальчик в школу ушел. Только получается, не пришел. Тогда я решил проверить остальных пропавших, и выяснилось, что все они пошли сегодня в школу, но не дошли. Тогда мы обратились к Магистру. Он вас и вызвал. Родители названивают каждые полчаса. Интересуются. Но мы им ничего не говорим. Стара-

емя деликатно. А то наедут, у нас и не продохнуть будет. Нам только истерящей толпы тут не хватает.

– Сколько детей пропало? – спросил я.

– Двенадцать человек. Семь девочек. Пять мальчиков, – тут же ответила одна из учительниц, темноволосая с восточным разрезом глаз.

– Где искали? – вмешался в разговор Ник.

– Всю школу обошли. Везде заглядывали. Нет нигде, – ответил учитель.

– А вы не думаете, что ребятишки где-то загуляли, забылись. Сейчас какую-то шкodu вместе придумывают. Почему сразу паническое настроение на корабле?

– У нас дисциплина. У нас никогда такого не бывает, – печально отозвался Магистр. – Дети идут к нам сами, чтобы новое узнать.

– Так. Мы во всем разберемся, – твердо заявил Ник.

Я тяжело вздохнул. Кажется, у нас намечается очередная катавасия.

* * *

Ник связался с Рэмом Парадоксом и разослал ориентировки на пропавших детей. Все кентавры Большого Истока должны сосредоточиться на их поиске. Задача первой важности. Также шериф вызвал в школу наряд кентавров, чтобы тщательно обыскать этажи и уличную территорию. А пока мы отправились на осмотр школы в сопровождении Магистра.

Борис не хотел разговаривать.

Борис не хотел никуда идти.

Борис выглядел удрученным и разочарованным в себе.

Что ж, его можно было понять. Он потерял детей. Чувствовал, что беда может случиться – и ничего не предпринял, чтобы ее не произошло. Вернее, попробовал сделать шаг. Он обратился ко мне, а я не воспринял его слова всерьез. Самонадеянный идиот!

Я заговорил с Магистром, чтобы убить тягостное молчание.

– Не переживайте так, дети не могли сквозь землю провалиться. Мы их обязательно найдем, подбрось да выбрось, хоть весь Большой Исток на уши поставим.

– Я верю вам, преподобный. Просто обидно, что я смог прошляпить их. А ведь чувствовал, а ведь знал. Когда я потерял веру в себя? Ведь раньше бы нисколько не сомневался в интуиции. Отменил бы занятия на пару дней или организовал экскурсию к Холму Призраков. Так нет же, старая калоша, позволил себя успокоить, позволил себе глаза отвести, – сокрушался Борис.

На первом этаже мы ничего не обнаружили. На втором тоже. Третий оказался чист. А вот на четвертом этаже Ник заметил, что все цветы на окнах засохли так, словно их целую вечность не поливали. Он упрекнул Магистра:

– Получше бы следили за растениями. Они ведь тоже живые.

– Так каждый день уборщица поливает. А всё одно сохнут. Ничего понять не может. Уже и так подкармливала, и так лила. Не помогает, – отозвался Борис. – Сегодня вот с третьего этажа все цветы выкинуть пришлось.

– И давно это у вас началось? – заинтересовался я.

– Пару дней назад заметили.

Когда я увидел комнатные растения, похожие на скошенное сено зимой, я насторожился. Мне не понравилось. Выглядели засохшие цветы намного необычнее, чем представлялось, когда о явлении рассказывал Магистр.

– А как поживает наш мальчик-вселенная, которого мы вам на перевоспитание пару недель назад отдали? – спросил Ник.

– А! Сэм-то, Сэм хорошо. Уже многое понимает. Правда, говорит неохотно.

– А это не может быть его рук дело?
– Вы о чем, преподобный? – уточнил Магистр.
– Подбрось да выбрось, не мог он детей куда-нибудь девать?
– Вряд ли. Он у нас по специальной программе занимается и редко когда с обычными ребятами видится.
– На всякий случай проверьте его и порасспрашивайте. Мы не участвуем, чтобы не нервировать ребенка, – попросил я.
– Хорошо. Сделаю, преподобный.
Мы еще раз обошли школу, но больше ничего необычного не заметили.
Сидеть в учительской и ждать у моря погоды не наш метод. Мы распрощались с учителями и заверили, что если что-нибудь прояснится, то сразу на колеса и к ним. Все, что нам станет известно, они тут же узнают.
Магистр молча кивнул и отпустил нас с миром.

* * *

Из школы мы направились в полицейский участок. По дороге нас поймал вызов – убийство на Кленовой улице. Поскольку мы находились рядом, решили заехать.

Возле двухэтажного уютного дома нас встретил подтянутый деловитый кентавр, стерегущий оцепление. Козырнул Нику, поклонился мне и пропустил внутрь.

В доме толклось достаточно народа, чтобы сложилось впечатление общежития. Все в основном в форме кентавров и несколько гражданских из числа медэкспертов. Завидев нас, навстречу вышел старший кентавр, полный сутулый мужчина лет за сорок, плохо выбритый, с красными свинными глазками, козырнул и доложил суть дела:

– Тело обнаружил молочник, такие дела. Он по утрам в этом районе постоянно молоко разносит, такие дела. Мы сразу приехали. В доме проживал Робур Жак, такие дела. Тихий мирный старикан. Никого не трогал. Ни с кем не связывался. В прошлом ученый, историк по образованию. Теперь на пособие живет. Жил. Переехал к нам несколько лет назад. Из талантов, умел заклинать дождь, такие дела.

– Что это значит, дождь заклинать? – удивился я.

– А он когда хочет, мог дождь стусить в отдельно взятом пространстве. От него все время фермеры страдали, такие дела. Он на воле жил за городом, рядом полно фермерских хозяйств, а Робур когда в волнение впадал, всегда дождь вызывал. Вот фермеры и начали жаловаться. Робуру бы себя побережь и не волноваться по пустякам, а он, когда работал, все время в ажиотаж впадал. Нервишки его и погубили. К нам выселили на покой.

– И часто он здесь округу заливал? – поинтересовался я.

– Так время от времени. Но обычно ему не давали. Рядом Максим живет. Он засуху устраивать любит. Вот они друг друга и гасили... по мере сил и возможностей. Зарывали, так сказать, любой конфликт в зародыше.

– Нам бы тело осмотреть, – потребовал Ник.

Кентавр опомнился, хлопнул себя по бокам, развернулся и направился вглубь дома.

То, что мы увидели, сложно было назвать телом. И уж, по крайней мере, недавно убиенным. Высушенная мумия, которой на взгляд было лет под тысячу. Быть может, ее похитили из исторического музея и тайно приволокли домой. Какой-то фанатичный коллекционер. Если вспомнить, кто по профессии пострадавший, то мозаика сходится.

– Ты что темнишь? Где убитый? – спросил сурово Красавчег.

– Как где? Вот оно, – кивнул на мумию кентавр и нахмурился.

Он не понимал, чего от него хотят.

– Ты что нам тут втираешь? Пытаешься голову запудрить? Труп у же как минимум фараоново время минуло, – наседали Ник.

– Ничего я не втираю. Это и есть Робур Жак. Он еще вчера молочнику дверь открывал и расплачивался. А сегодня вот как выглядит, неприглядно. Такие дела, наоборот, вы меня путаете, только не понимаю зачем, – возмутился кентавр.

Мы с шерифом переглянулись.

Мы пожали плечами в недоумении.

Мы присели на корточки возле тела.

Сомнений не оставалось – это мумия, что бы там ни говорили сомневающиеся. Только и не доверять кентавру оснований не было. Если он утверждает, что перед нами хозяин квартиры, стало быть, так и есть. Скрюченный, сухой, даже уже окаменелый. Глаза точно две черные изюминки и провал рта с белыми здоровыми зубами. Такого мне не доводилось раньше видеть.

– А почему мы решили, что Робура, как его там, убили? – спросил неожиданно Ник.

Кентавр удивился.

Кентавр на время потерял дар речи.

Кентавр захлопал глазами.

– То есть как? То есть, какие дела? Не понимаю, – выдал он.

– Ну смотрите. Следов насильственной смерти нет. Раз. Ну, высох человек, с кем не бывает. Поза не подразумевает под собой борьбы. Два. Лежит себе человек на ковре в спальне. Не дошел до кровати. Мало ли, плохо стало, споткнулся, упал, мертв, – рассуждал феерически Красавчег.

– А как же, позвольте, вся эта сухость в теле образовалась? – спросил растерянно кентавр.

– Естественным путем. Если он дожди там заклинал и прочее-прочее, то вот со смертью и высох сразу. И мы берем только вариант, что оно и правда хозяин квартиры, а не украденная в музее мумия.

– Да как же, позвольте, естественным путем. Где же видано, чтобы естественным путем люди высыхали, – недоумевал кентавр.

– Ну, у нас все не как у людей. На то мы и альтеры, подбрось да выбрось, – резонно заметил я.

Кентавр не знал, что ответить.

– Так. Как вас там, – замялся Ник.

– Старший инспектор Джобс, – ответил кентавр.

– Отлично, инспектор. Как только будет закончена судмедэкспертиза по трупу, результаты ко мне срочно доставить. Я либо у себя, либо у преподобного.

– Будет исполнено, – козырнул Джобс.

Мы покинули место преступления. А преступления ли? Что-то подсказывало мне, что мирный историк Робур Жак отнюдь не почил «мирно и непостыдно». Да и мумий у нас в музее не красовалось, и музея отродясь не было.

* * *

На следующее утро детей еще не нашли. Я несколько раз разговаривал со старым учителем. Магистр был убит горем, но я ничем не мог ему помочь. Кентавры рыли землю, но все безрезультатно. Сложно себе представить, что чувствовали родители пропавших детей. Их требовалось успокоить, но я не знал, что им сказать. Хотя понимал, что рано или поздно придется выступить перед народом.

Кентавры обыскали школу и прилегающую территорию, но ничего не нашли. Готовились разобрать здание по кирпичику, если потребуется, но Ник считал, что инициатива преждевременна. Куда детишки могли пропасть на нашем районе. Большой Исток не маленький конечно,

но все же... да и детишки за себя, если что, постоять могут. У каждого талант имеется. Поэтому поиски продолжались, но без острого фанатизма.

Тем временем поступили данные о вскрытии Робура Жака. Выяснилось, что тело – не египетская мумия, а человек, умерший загадочной смертью. У него даже внутренние органы все на месте остались, только высохли. Непонятно было, умер он сам или его кто-то убил. Одно ясно, покойник мгновенно потерял всю влагу из тела. Но причины обезвоживания медики назвать не сумели. Сами впервые видели.

Красавчег первым делом соседа заподозрил, который обожал засушливые места. Максима Колобка задержали и приступили к допросам. Я отказался участвовать. И без меня справятся.

Хотел было съездить в школу, но в последний момент передумал. Появилась куда более свежая идея, за которую я и ухватился. Я позвонил Злому, но дома его не застал. Отзвонился в «Зажигалку», но и там его не видели со вчерашнего дня. Есть только один альтер, который может знать, где пропадает Злой.

Я отправился на поиски Зеленого. Короткий перелет на другой конец города. Мягкая посадка за вертолетным ангаром на сырую и желтую от опавших листьев площадку. Где еще можно найти Зеленого днем, только в его любимом ангаре, где он вот уже какой год пытается усовершенствовать маленький вертолет. Где он раздобыл вертушку? Зачем ему она нужна? Соседи понятия не имели. Думаю, что и сам Зеленый не ответил бы на вопрос. Но он увлеченно день за днем, месяц за месяцем, год за годом перебирал мотор летательного аппарата, пытаясь поднять его в воздух. Он посвящал сосредоточенному занятию все время, свободное от поглощения «Протоки № 3» и сумасбродств, которые он учинял после трех-четырех литров пенного напитка.

В ангаре было тихо. Я заглянул внутрь. Никого. Осторожно вошел. Мало ли что тут у Зеленого может таиться. Он такой. Он все может.

По центру ангара стоял круглый маленький вертолет на одного человека с грустно опущенными лопастями. Обойдя помещение по кругу, я заглянул в каждый угол, но, кроме россыпи пустых бутылок из-под «Протоки № 3», ничего не нашел. Зеленого тут не было.

Потерпев фиаско, я покинул ангар. Оказавшись на улице, уже хотел было взмыть в воздух, когда услышал доносящиеся издали возбужденные голоса. Я решил проверить и пошел на них. Мне повезло, и я нашел Зеленого. Он сидел на холме, любовался лежащей внизу долиной, по которой проходила граница с Большой землей. Рядом замер Злой, напряженная немного сутулая спина, взъерошенные волосы и мешок с парашютом, стоящий на земле рядом.

– Вот вас-то мне и надо, – я радостно сообщил им о своем прибытии.

Зеленый обернулся, всплеснул руками и сказал:

– Надо же, кого к нам занесло. Сам преподобный. Приветствуем.

Злой оглянулся, насутился и коротко кивнул. Большого от него не дожدهшься.

– Какими судьбами? – спросил Зеленый.

– Дело к вам есть серьезное. Слышали, дети пропали?

– Было дело, – сказал Злой и отвернулся.

– Излагай, – потребовал Зеленый.

Моя идея заключалась в патрулировании небесных сфер. Пусть Зеленый со Злым полетают над Большим Истоком и посмотрят с высоты, что на районе происходит. Может, что и углядят полезного. Пока поиск не закончится, я мобилизовал ребят на общественные работы. Ничего, им не навредит. Проветрятся заодно, дурного лишнего не придумают.

– Не проблема, преподобный. Все сделаем в лучшем виде, – сказал Зеленый.

– Можешь на нас положиться, – добавил Злой.

Почему-то я был уверен, что моя затея обернется успехом. Распрощавшись с рекрутами, я взмыл в небо и направился к себе домой.

* * *

На веранде сидел Ник Красавчег, курил сигару и ждал меня. Вид у него был хмурый, потрепанный. Окружающая действительность ему сильно не нравилась, но он вынужден был с ней мириться.

– Добрый день, преподобный. Надеюсь, хоть у тебя он добрый. Где пропадаешь?

– По делам летал. А ты давно задницу морозишь?

– Так уже с полчаса, – признался Ник.

– Видно, что-то срочное стряслось, если ты решил меня дожидаться. А чего не в машине? Там теплее.

– Чтобы голова была ясная, а мысли бодрые.

– Подбрось да выбрось, рассказывай, что у тебя, – попросил я, поднимаясь на крыльцо.

– Еще одна мумия. Сорок минут назад обнаружили. Вот я и решил за тобой заехать, а ты где-то в облаках витаешь, – недовольно пробурчал Ник, поднимаясь из плетеного кресла. – Поехали, прокатимся. Посмотрим.

* * *

Новая жертва жила на улице Вязов в нескольких кварталах от первой мумии. Большой уютный дом в окружении раскидистых деревьев. Во время апокалипсиса местного разлива, случившегося три недели назад, когда улицу захватили зыбучие пески, дом выстоял. Несмотря на то, что кварталу изрядно досталось и много строений на дно ушло. До сих пор восстановить не могут. Хотя денег на восстановление уже натрясли.

На подъездной дорожке возле садовой фигуры снеговика маячили трое кентавров. Они курили, громко обсуждали последние новости, изредка косились испуганно на закрытый дом, но внутрь не шли. Их задача зевак отпугивать, но зевак в округе не наблюдалось.

Я выбрался из машины и направился к дому. Ник шикнул на кентавров и последовал за мной.

Тело сидело в кресле-качалке возле телевизора с раскрытой книгой на коленях. По ящику показывали новости с Большой земли, сытый диктор с большим пузом рассказывал о политической обстановке в Боливии и растущих ценах на кокосовый жмых. Пульт управления лежал на подлокотнике кресла рядом с сухой веткой, которая когда-то была рукой человека. Я взял пульт и выключил телевизор. Где Большая Земля, а где мы. То, что волнует их, для нас пустой звук. Зато что тревожит нас, может обернуться для них большими проблемами.

Дверь хлопнула, и вошел Джек Браун, один из лучших кентавров. По крайней мере, по мнению Ника Красавчег. А у меня нет оснований не доверять шерифу. Джек выглядел встревоженно, если не сказать хуже. На нем лица не было, словно тут Стив Простыня постарался. Есть у нас один альтер на районе, любит над собратями подшутить, за что часто бывает бит, иногда ногами по нежным местам.

– Подбрось да выбрось, что стряслось? – спросил я, усаживаясь на свободный табурет возле стены.

Захотелось курить, ну просто сил нет. И трубка вроде в кармане, да только покойник смущал донельзя. Он же высох, словно тысячелетняя мумия, а что если вспыхнет от случайной искры. Один миг, и нет пострадавшего. А нет тела, как известно, нет и дела.

– Преподобный, мистика какая-то. Мы с ребятами облазили все вокруг, каждый сантиметр клятого дома проверили, да только никаких следов. Такое чувство, что Слюнтя убило привидение.

– Какого Слюнтя? – не понял я.

– Так вот этого, – кивнул на мумию Джек Браун. – Это же Гоша Слюнтяй. Известный затворник.

– А почему Слюнтяй? – спросил я.

С таким прозвищем на районе не сильно зашикуешь. Обязательно найдется альтер, который станет докучать подколками да подначками. Не удивительно, что этот Гоша затворником слыл.

– Фамилия у него такая. Он у нас недавно. Всего полгода. Особо нигде не засветился, – ответил Ник.

Красавчег хмурился. Настроение у него портилось на глазах.

– А почему, Джек, ты считаешь, что Слюнтяя убили? – спросил я.

– Где это видано, чтобы человек в хворост за несколько часов превратился? – удивился Джек Браун.

– Почему это ты считаешь, что за несколько часов? Может, он тут уже неделю сохнет? – недоумевал я.

– Да какой там неделю. Его утром молочник видел. Он ему кефир привез да контрабандное виски от Бедуина подкинул. Слюнтяй лично посылки принял, денег отслонявил. Мы молочника уже нашли да в участок отправили. Сейчас его там допрашивают. Заодно на Бедуина компромат нароем. Ваня совсем зарвался. Строгает бабло, а налоги жадит.

– А кто вам про молочника рассказал? Неужели сам болезный пришел с повинной?

Не нравилось мне все это. Ой как не нравилось. Уже вторую мумию за неделю молочник находит, и ни одной зацепки. Кто-то шалит, да следов не оставляет. И это очень тревожит. Не доглядим, не словим вовремя, третий усохший появится, а там слухи поползут, народ встревожится. Может очень неприятно получиться.

– Молочника соседи видели. Как он подъезжал да в дом заходил.

– Глазастые какие, подбрось да выбрось, – не смог я сдержаться. – Вот всегда так. Когда не надо, все видят, а когда из аптеки доктора Бро вынесли выручку за неделю да пару коробок с тяжелыми лекарствами, то никто ничего не видел. А больше соседи ничего такого не углядели? Может, личности подозрительные вертелись вокруг дома?

– Ни единой личности, преподобный. Все как обычно. Тихо как в склепе. Слюнтяй не любил шума и гостей.

Мне не давала покоя одна мысль. Я хмурился, пытаюсь ее уловить, словно Красавчег, когда пытается понравиться даме на первом свидании...

– Если этот Слюнтяй на Большом Истоке человек новый, то откуда у него шикарная конура? – озвучил я нестыковочку.

– Она ему по наследству осталась. От дядюшки. Слюнтяй, когда на Большой Исток загремел, так с дядей стал жить. А недавно его дядька помер, и он тут один завис, – разъяснил Джек Браун.

– А от чего дядя умер? Надеюсь, не от того же, – я кивнул на мумию.

– Да не. Тут когда недели три назад зыбучие пески приключились, он как раз в магазин ходил за продуктами. Тут рядом за углом. Вот одним из первых под раздачу и угодил. Затянуло его вместе с покупками. Быстро затянуло. Никто даже ничего сделать не смог.

Я хлопнул себя по коленям и поднялся с табурета.

– Значит, так, мне здесь больше делать нечего. Когда спецы с телом закончат, результаты мне сразу скиньте или Нику.

Красавчег нахмурился, почесал небритую щеку и выругался шепотом.

Мы вышли из дома, прошли мимо беззаботно болтающих о наболевшем кентавров и погрузились в машину.

Ник хотел было сразу ехать ко мне, но я настоял на другом. И мы заехали в школу проведать обстановку на местах.

Ничего толком не изменилось. Кентавры в дватый раз отутюжили территорию школы пешим строем с металлоискателями, магоулавливателями и прочими хитрыми приборами. Одинаковые с лица учительницы хлопотали вокруг Магистра, то чай ему на подносе с пряниками в кабинет, то корвалола накапать, то мокрое полотенце остудить горячий лоб, но старый Учитель был непреклонен. Он сидел в своем кабинете, отгородившись от всего мира, и корил себя за то, что недоглядел, прошляпил.

Когда мы вошли в кабинет, Магистр поднял на нас полный страдания взгляд и спросил заплетающимся от тревоги языком:

– Вы их нашли?

На ступенях школы стояли и сидели встревоженные родители, которые никак не могли понять, куда подевались их дети и что делает полиция, чтобы их нашли. Не случилось еще такого на Большом Истоке, чтобы дети пропадали.

У нас, конечно, часто беспокойно. А как по-другому? Каждый альтер при своем таланте. Все одаренные, и каждый по-своему. А где одаренность, тут и самолюбие, которое вечно ущемлено. Как же так, соседу по дому, парте, столику в баре вечно везет, ему все почести и улыбки публики, ему каждая девушка рада, а что мне – жалкие объедки. А у меня, может, талант больше и шире, ни в один дверной проем не пролезает. А где ущемленное самолюбие, там вечно конфликты вспыхивают. Ни дня не проходит, чтобы парочка альтеров талантами не померилась на потеху публике на улице, в ресторане, в борделе у Матушки Змеи – или просто у себя в квартире, пока никто не видит. А нам с кентаврами разнимай, нам это дерьмо большой ложкой вычерпывай, пока котел не остынет. Всегда так было. Тяжело, когда на одном районе каждый первый гений, похуже чем банка с ядовитыми пауками, которые друг друга ненавидят. Но в то же время у нас все по-доброму. Даже если вчера подрались двое – сегодня, глядь, уже сидят за одним столиком да темное потягивают в удовольствие. А что делать? Мы на одном корабле, и не важно, как он называется, главное, что с него не убежать.

Но так чтобы дети пропадали, такого еще не случилось. И ведь неясно, с какой стороны за дело браться. Подбрось да выбрось, и что я, дурак старый, Магистра в ту ночь не послушал? Поздно воевать с ветряными мельницами, когда вся мука помолота да рассыпана по мешкам.

В школе мы ничем больше помочь не могли, и Ник Красавчег отвез меня домой. От стаканчика виски на крыльце он отказался, сослался, что дел невоворот, и умчался в участок.

Остаток дня прошел без происшествий. В одиночестве я дружил сначала с одним стаканом виски, а потом под хорошую вкусную трубку уже и с тремя. Пытался читать, но в голову ничего не лезло. Мысли путались, ускользали от книжных пожелтевших страниц да стремились на волю. Детей жалко, Магистра жалко, но главное – злило, что я ничего не мог поделать. Кентавры уже опрашивали родителей пропавших. Шли допросы учителей, но пока оставалось только сидеть в кресле, любоваться осенним закатом, хлестать виски в одиночестве да ждать результатов оперативной работы.

* * *

Утро началось с новостей. Я ничего не имею против свежих новостей за чашечкой крепкого кофе, но все же предпочитаю их в печатном виде или хотя бы в трезвом. Но сегодня меня ждал сюрприз в семь часов утра в виде в дымину пьяного Зеленого, усиленно жмущего на мой дверной звонок толстым пальцем. За его спиной маячил трезвый и оттого злой Злой.

Первым делом я хотел их убить. Вторая мысль была отправить их ко всем чертям, желательно надолго. Потом я все-таки проснулся и сообразил, зачем они пожаловали ко мне в такую рань.

Пришлось впустить визитеров. Я проводил их в кабинет, попросил подождать пять минут, пока переоденусь. Нехорошо о делах разговаривать в халате на голое тело, который к

тому же все время норовит распахнуться. Правда, я вряд ли шокирую своей обнаженкой Зеленого со Злым, но устраивать им стриптиз за бесплатно совсем не хотелось.

Одевшись, я заглянул на кухню за парой бутылочек ледяной минеральной воды. Приложив их ко лбу, я тут же уверовал в гармонию мира, в счастье для всех даром и возлюбил ближнего своего в лице Зеленого и Злого. Они сидели в кресле рядом с таким видом, словно собирались наброситься друг на друга разъяренными кошками. Зеленый и Злой вечно так, то ссорятся, то мирятся, то дерутся, то пьют на брудершафт контрабандное.

– Подбрось да выбрось, с чем пожаловали? – недружелюбно спросил я.

О каком дружелюбии может идти речь в семь утра.

Обогнув рабочий стол, я плюхнулся в кресло, поставил на стол бутылки, откупорил одну из них и жадно присосался.

Зеленый дернулся, судорожно сглотнул, но промолчал.

– Мать твою волшебницу, преподобный, сам же попросил полетать по окрестностям, вот мы всю ночь патрулировали. А поутру сразу к тебе, – сказал Злой и оскалился.

Этот смертельный оскал у него за улыбку идет.

– И что углядели? – спросил я.

Зеленый со Злым меня просто так тревожить не станут. Если пришли, значит, след есть.

– Я не спецом, – всхлипнул Зеленый, шмыгнул носом и шумно икнул.

– Не ссы, лягуха, – приободрил друга Злой.

– Это он о чем? – насторожился я.

– Тут такое дело, – замялся Злой.

А Зеленый смотрел на меня враждебно, словно увидел во мне очередного критика своего творчества. Очень уж Зеленый критики не любил.

– Мы вчера утром, еще до твоего приезда, по делам мотались. И когда над улицей Вязов пролетали, Зеленому очень приспичило, а времени на посадку не было. Да и до ближайшего сортира далеко. Вот Зеленый и облегчился с воздуха на один домик. А вечером телик смотрим. Аллилуйя Джаффар, тот домик показывают. А там один альтер кони двинул, говорят, усох на корню. Вот теперь Зеленый боится, что его за это повяжут. Если уж не как преступника, то как соучастника точно. Я его и так убеждал, что он тут никаким боком. Но уж если Зеленый чего решил, то выпьет обязательно. В результате к утру его развезло, – разъяснил Злой, виновато разведя руками.

Нет, Зеленый, конечно, очень ядовитый тип. В особенности если «Протоки № 3» переберет, но чтобы людей в мумии превращать, ни в жизнь не поверю.

– Кончать дрожать, подбрось да выбрось, ты тут ни при чем, – объявил я, припав к бутылке минералки.

Все-таки третий или пятый стакан виски (точно не помню) был лишним. Но очень уж детей (и себя!) жалко было.

– Обещаешь, преподобный? – с надеждой в голосе спросил Зеленый.

Злой хлопнул его по плечу и ободряюще оскалился.

– Слово даю. Но чтобы мне больше на район не поливать. Узнаю, заставлю улицы с шампунем вручную мыть.

– В последний раз, преподобный, клянусь, я не спецом, – побожился Зеленый и закусил губу с видом раскаявшегося злодея.

– А теперь рассказывай, что такое углядели? Вы же меня утром не ради спасения души Зеленого побеспокоили?

– Обижает, преподобный, – рванул рубаху на груди Зеленый. – Мы полетали то тут, то там. И вроде все в порядке. Все как обычно. То тут приключение на чью-то голову, то там трамтарам, в общем, ничего необычного. Но потом Зеленый заметил, что многовато сухо-стоя на улицах появилось. То одно дерево голое стоит, то второе мертвая палка. Попытался

воздействовать, но ничего не получилось. Мы сначала решили на пустяки не отвлекаться, но потом я заметил, что все деревья сухие в одном районе стоят. И я вспомнил, что ты про детей пропавших говорил. А деревья-то да трава пожухлая как раз в районе школы наблюдаются. Словно источник засухи прямо в школе засел.

Злой умолк, настороженно уставился на меня.

А ведь любопытное наблюдение. Помнится, и Боря Магистр все время твердил, что у них кактусы на корню сохнут. Может, тут корень разгадки кроется. Пожалуй, стоит проверить. Какая-никакая, но ниточка.

– Вы на колесах? – спросил я.

– Какое там. Сразу к тебе полетели, – ответил Злой.

Зеленый пьяно всхлипнул и жадно уставился на бутылку с минералкой.

– На карте отметить район усыхания сможете?

– Без проблем, преподобный. За нами не заржавеет.

Я допил минералку, бросил пустую тару под стол в мусорку, не попал, ну и черт с ним. Вторую бутылку сунул в карман пиджака и поднялся из-за стола.

Сперва я хотел полететь, но разумно решил, что на похмельную голову этого делать не стоит. Тогда я вывел из гаража свой красный Бьюик Роудмастер 1954 года выпуска. Мы с трудом усадили на заднее сидение Зеленого, он все время рвался вперед за руль, ему ой как припичило порулить. Злой сел рядом с ним для подстраховки. Вдруг по дороге Зеленый попробует отобрать у меня руль. Он может. Он во хмелю любит почудачить.

Я завел мотор и взял курс на полицейский участок. Я был на все сто уверен, что застану там нашего шерифа. И предчувствие меня не обмануло.

* * *

Ник всю ночь просидел в участке. Глаз не сомкнул. Изучал карты Большого Истока, читал поступающие свежие сводки о поиске пропавших детей, вникал в детали дела о двух мумиях. Выглядел он усталым, разбитым, даже кривляться сил не осталось.

Когда мы приехали, он сидел в кресле и одолевал отчет судмедэксперта о вскрытии Гоши Слюнтя.

– Подбрось да выбрось, есть хорошая зацепка, – объявил я с порога.

Красавчег отложил папку с отчетом в сторону и уныло зевнул.

Увидев маячивших за моей спиной Зеленого и Злого, он скривился, точно от зубной боли, от чего сразу похорошел.

– Выкладывай, что там у тебя, – без энтузиазма в голосе попросил шериф.

– Ты плохо выглядишь. Тебе бы взять выходной на пару дней. Порыбачить бы, с ружьишком на охоту походить. Возле границы есть местечко, можно и пострелять незамеченным.

Браконьерство в наших местах считается тяжелым преступлением. У нас и так мало места, лесные уголья крохотные, так что многие развлечения Большой земли для нас под запретом. Но есть одно местечко, где все можно. О нем мало кто знает. Мы с Красавчегом любили время от времени съездить туда, развеяться.

– С удочкой – это мы обязательно. Только детишек бы найти да понять, кто нам людей сушит. И тогда полный порядок, можно закрывать лавочку, – ответил Ник.

Я подошел к столу, увидел краешек карты, выглядывающий из-под горы отчетов, старых дел, не нужных никому документов. Потянув карту на себя, я вызвал обрушение бумаг на пол, что, безусловно, не могло понравиться Красавчегу. Ведь ему же убираться потом. Но шериф промолчал.

Зеленый и Злой ни звука не издавали. Стояли скромно, старались по сторонам не оглядываться, а то вдруг увидят что-нибудь, для их взглядов не предназначенное. Чувствовалось,

что в самом сердце полицейского участка им очень не по себе. Тревожит обстановка их души бунтарей.

Я разгреб стол шерифа, расправил карту и позвал своих помощников. Зеленый, похоже, от важности момента весь хмель растерял. Смотрел на меня затравленно, словно старый верный пес перед кастрацией. Злой выглядел еще более злым и готов был, случись что, сопротивляться до последнего. Весь его вид говорил «живым я вам не дамся».

– Расскажите, что и где вы видели, – попросил я.

Зеленый и Злой переглянулись, словно советовались, кто первый начнет.

Рассказ не занял много времени. Самые пикантные подробности, которые точно не понравились бы Красавчегу, они опустили. Говорили только о важном, коротко и по существу. Я попросил их начертить на карте зону засухи для наглядности. И Зеленый дрожащими руками исполнил мою просьбу. Руки у него так выплясывали, что мне начало казаться, что он сейчас либо карандаш сломает, либо карту проткнет.

– Интересно, интересно, – пробормотал Красавчег, когда Злой и Зеленый закончили доклад.

Ник склонился над картой, изучая отмеченную территорию.

– Не кажется ли тебе, что эта зона засухи, как вы ее назвали сочно-то, прямо вокруг школы и распространяется. Школа-то по центру стоит. А теперь ну-ка посмотрим... ага... ага... Я так и думал. Смотри, Крейн, вот Кленовая улица, где мы нашли первую мумию, – Красавчег отметил крестиком точку на карте. – А вот улица Вязов, где мы нашли второе тело, – второй крестик на карте. – Оба тела найдены в пределах зоны засухи. Значит, у нас еще три дома под ударом. И могут быть жертвы.

Красавчег засуетился. Он вызвал Джека Брауна, потребовал, чтобы тот съездил по указанным адресам и позаботился о немедленной эвакуации людей, пока они под раздачу не попали. После чего еще раз внимательно изучил карту и отдал распоряжение выставить оцепление вокруг зоны засухи. Кентавров на оцепление только-только хватит, в обрез, получается, остальная часть города останется без присмотра.

Я с сомнением посмотрел на Зеленого и Злого. Красавчег тоже на них уставился. Похоже, нас посетила одна и та же мысль. А не запереть ли нам этих двух от греха подальше в кутузке, чтобы у них соблазна не появилось, пока кентавры в оцеплении стоят, объявить остальную часть города зоной своих развлечений. Но они все-таки нам помогли, поэтому мы с Красавчегом промолчали. Хотя нам и стоило труда прикусить языки.

Когда все распоряжения были отданы, Красавчег склонился над картой, словно пытался найти на ней ответы.

– А не кажется ли тебе, преподобный, что сушильная канитель с пропажей детишек связана? – спросил он.

– Очень даже кажется, подбрось да выбрось, я вот только понять не могу, каким боком, – признался я.

– И я вот не понимаю. Засуха вокруг школы, дети пропали, два трупа на районе. Да еще Зеленый и Злой сотрудничают с правосудием. Мир определенно сошел с ума.

– А вы все обыскали в школе? Детей нет?

– Всю поверхность мелкой гребенкой прошли. Куда могли, везде заглянули. Даже намек на детей нет. Еще чуть-чуть, и придется сообщать на Большую землю, чтобы они прислали нам своих сыщиков с приборами и прибабахами разными.

– Хорошо, на поверхности вы искали, а под поверхностью пробовали? – спросил я.

Красавчег нахмурился, отчего стал похож на известного голливудского актера, и потряс головой.

– Это ты о чем сейчас? Выражайся более понятным языком.

– На земле вы искали, а под землей пробовали?

– Как это под землей? В пекле, что ли?

– Подбрось да выбрось, Красавчег, отключи воображение. Оно шалит. Какие подземные коммуникации проходят под территорией школы. Есть ли входы и выходы. Надо вот что проверить. Может, дети заигрались, ушли под землю и заблудились.

– Канализационные люки мы осмотрели, следов взлома не обнаружено. Так что... даже не знаю... но это мысль...

Красавчег вскочил из-за стола и бросился из кабинета.

Я посмотрел на Зеленого, перевел взгляд на Злого и тяжело вздохнул.

Как бы внутренний голос меня ни убеждал, что я поступаю неправильно, но парней надо отпустить. Они нам помогли. Нельзя за помощь платить недоброй монетой.

– Спасибо за все. А сейчас вам лучше уйти побыстрее. Пока у нашего шерифа не появилась благая мысль привлечь вас к общественно-полезным работам.

Зеленый разозлился. Злой позеленел от злости. Но оба промолчали. Так же молча они выбрались из комнаты и покинули полицейский участок.

Когда Красавчег вернулся, он даже не заметил их исчезновения.

* * *

Как выяснилось, кентавры не дураки, свое дело знают, и не за просто так получают жалование. Все подземные коммуникации на территории школы они проверили. Вернее, проверили, как надежно закрыты входы и выходы, но под землю не полезли. Но у Ника появилась безумная мысль, и он расширил сектор поиска, добавив улицу Вязов и Кленовую улицу. Быть может, именно там начались проблемы, а пропажа детей лишь следствие.

Срочно в участок пригласили специалиста, знающего подземный мир как свои пять пальцев. Обратились было к Ване Бедуину, да только тот отказался. Сказал, что если на Большую землю пройти, он всегда пожалуйста, все входы и выходы знает, каждую лазейку помнит, а вот в Большом Истоке он ни черта не понимает. Да и не нужно ему. Но посоветовал с Колей Кротом поговорить. У него проблема со зрением, очень глаза чувствительны к солнечному свету, поэтому он часто под землю прячется. Несколько месяцев назад он даже нашел клад первых поселенцев, пролежавший с тех времен, когда Большой Исток населяли обычные люди, а про альтеров никто и слыхом не слыхивал.

За Кротом отправили машину, и он не отказал в помощи. Выехал по первому же требованию. К тому же пара кентавров на пороге твоей норы – очень убедительный аргумент.

Крот оказался маленьким щуплым мужчиной неопределенного возраста, в очках с грубой оправой и большим увеличением. Он и правда чем-то напоминал крота. С собой привез рулоны с чертежами, которые тут же расстелил на столе и стал показывать и рассказывать.

Если дети отправились на экскурсию под землю, то уйти они могли только в одном месте. Старый заброшенный водосброс на углу Вязов и Кленовой, как раз равноудаленное от домов жертв место. Красавчег тут же решил брать быка за рога и приказал отправляться на предполагаемое место происшествия.

В кабинет заглянул Джек Браун и доложил, что эвакуация прошла успешно. Найдено три мумии.

Красавчег скривился от злости, но ничего не сказал. Сейчас надо на главном сосредоточиться, чтобы зараза за границы засухи не вышла. А то скоро Большой Исток превратится в пустыню, и даже Ваня Бедуин этому не обрадуется.

Все кентавры на оцеплении, так что на операцию решили идти малыми силами. Я, Ник, Джек Браун и двое кентавров, которые вернулись вместе с Брауном.

* * *

До старого водосброса добрались быстро. Ник за рулем страшная сила. Кентавры уже успели выстроить оцепление, и даже стали собираться зеваки. Нас пропустили без проблем, и, шурша шинами, мы въехали в зону засухи. Теперь название себя полностью оправдало. Деревья, по осени сменившие наряд на желто-красные костюмы, теперь стояли голыми скрюченными палками. Приусадебные лужайки даже под снегом всегда оставались зелеными, теперь они сияли лысынами и проплешинами. Жалкое и страшное зрелище.

Старый заброшенный водосброс находился в начале Парка Победы. Когда-то через него сбрасывали во время ливней излишки воды в пруды парка, но потом поставили новые системы откачки воды и про старую, поросшую колючками и сухим плетнем трубу забыли.

Машину мы оставили в начале парка и продолжили путь пешком. По дороге не разговаривали. Не о чем говорить, когда столько всего произошло. Между нами повисло напряжение, и казалось, даже тишина звенит. Понятное дело, если не брать в расчет засуху и мумии, то пропавшие дети – главная цель. Каждый из нас боялся, что мы найдем пропажу, но окажется уже поздно. И вместо здоровых шаловливых детишек мы увидим штабеля мумий. Вот это самое страшное. Как потом мы сможем смотреть в глаза их родителям, как я потом смогу говорить с Борисом Магистром о жизни и высшей справедливости? Настроение у нас было ни к черту.

Мы вошли под землю. По трубе пришлось передвигаться скрючившись в три погибели. Первым пошел Ник Красавчег, вторым я, за мной Джек Браун и кентавры. Браун зачем-то достал из кармана револьвер и выставил перед собой, словно собирался, случись что, стрелять мне в спину. Увидев мой взгляд, Джек засмутился, но револьвер не убрал.

– По инструкции положено, – пояснил он, но этим меня не успокоил.

Кентавры раскрыли спортивные сумки, которые прихватили с собой из участка. Мы взяли себе по фонарику и начали путь.

Никогда бы не подумал, что под Большим Истоком существует свой мир. Хитросплетение коридоров и труб, по которым проходили внутренние коммуникации, обжили крысы и насекомые. Луч фонаря то и дело выхватывал из темноты чей-то голый хвост или цеплялся за паутину. Но мы шли вперед, стараясь производить как можно меньше шума.

Прошло, наверное, минут сорок блужданий под землей, когда я первым услышал чей-то плач, доносящийся издалека. Мы переглянулись с Красавчегом. Плач – в любом случае хорошо. Если кто-то плачет, значит, он жив, и мы увидим минимум на одну мумию меньше.

Мы прибавили шагу, но источник плача нашли не сразу. Сначала мы промахнулись, свернули не в тот коридор, блуждали еще с полчаса, пытаясь вернуться назад, но в конце концов выбрались и нашли верный путь, который привел нас в большую бетонную пещеру. Возможно, здесь раньше стояли насосы или другое оборудование, но сейчас не осталось ничего – только старые тряпки, наваленные на пол. На них сидели дети. Уставшие, голодные и встревоженные дети. Они окружили самую маленькую и грязную девочку. Малышка плакала навзрыд, остальные пытались ее утешить, только вяло и неубедительно. Было видно, что успокоить плаксу пытаются давно и безрезультатно.

– Вот мы вас и нашли, подбрось да выбрось. Как же вы нас напугали! – сказал я.

Дети обратили на нас внимание. На перепачканных лицах появились радость и вера в светлое будущее. Здесь были все пропавшие: Ленка Стрекоза, Гарри Гудини, Антон Весельчак, Салли Ходули и другие, которых я не знал по именам. Они смотрели на меня во все глаза, полные радости, и не могли поверить своему счастью. Их заточение окончилось.

Но стоило мне заговорить, как незнакомую мне девочку накрыло новым потоком рыданий. В воздухе началось движение, слабо уловимое, но мне оно не понравилось сразу же. И очень захотелось пить.

Ник Красавчег шагнул навстречу детям, но был остановлен невидимой силой. Его скрючило, словно кто-то ударил ему под дых. Ник упал на колени и застонал. Плакса смотрела на него, и глаза у нее были испуганные.

Что бы тут ни происходило, во всем виновата девчонка. Она применяет талант, подбрось да выбрось! Но что именно она вытворяет, и как нам с этим бороться? Если найти и понять природу происходящего, у нас есть шанс выйти на поверхность живыми. Если же нет, то из нас понаделают мумий. Я уже не сомневался, что мумии наверху ее рук дело.

Времени на сомнения не оставалось. Я взглянул на Плаксу своим особым зрением. И через минуту все стало ясно.

Я обернулся. Красавчег сидел на полу и корчил гримасы боли. Я приказал Джеку Брауну позвать Тони Палача. Только он мог помочь тут. Причем его необходимо немедленно доставить под землю, иначе катастрофы не миновать.

А пока Тони не приехал, надо что-то придумать. Плакса высушит весь город, если не успокоить ее. Только вот беда: я смутно представлял себе, как унять ее горе. Но надо попробовать, другого выхода нет.

Я сделал шаг вперед и заговорил.

* * *

Счастливые родители встречали своих детей на поверхности. Малышей сразу же загрузили по машинам и отвезли в больницу, чтобы провести обследование и убедиться в том, что никто не пострадал. Плаксу в сопровождении Тони Палача доставили в полицейский участок, где обоих заперли в камеру до выяснения всех обстоятельств. Теперь Тони от нее и шага не может сделать. Если Тони уйдет, то блокирующее воздействие исчезнет и все начнется сначала.

Ник Красавчег справился со своей болью, но чувствовал себя неважнецки. Плакса успела отсосать у него из организма пару литров воды на слезы. Теперь его мучил дикий сушняк, и он разом похудел на несколько килограммов. Джек Браун все командование принял на себя, а Ника отправил лечиться. Поэтому я усадил шерифа в машину, сам сел за руль, и мы отправились ко мне домой.

Дома я усадил Красавчегу на веранде в кресло, вручил ему баклажку минеральной воды, сам же нацедил себе виски и сел рядом. Некоторое время мы сидели молча, Красавчег отпаивался. Наконец он заговорил.

– Как ты все понял?

– Ты же знаешь, для меня мысли как на ладони. Я увидел ее и сразу все понял. Но случай и правда тяжелый.

Я достал из кармана кисет с табаком и трубку, набил ее и раскурил.

– Может, расскажешь, что за Плакса такая и что вообще произошло. А то я не до конца догнал ситуацию, пока меня скрючило.

– Да тут вроде все просто, подбрось да выбрось. И сложно одновременно. Плакса девчонка из альтергов, но не из наших. Пока мы с родителями разруливали, Джек прогнал ее портрет через систему. В списках она не значится. Не местная, и через таможню не проходила. Получается, что на район она забрела сама. Думаю, что передвигалась она под землей. Не представляю, что с ней сделали на Большой земле, чтобы так ребенка запугать. Она очень всего боится. Каждый человек для нее угроза. И поэтому она плачет. Плачет от страха, боли и одиночества. У нее никогда не было друзей. Не было родителей, а может, они умерли, исчезли, их задержали и выслали к нам на Исток. Кто знает? В их судьбе нам еще предстоит разобраться. Но малышка долго оставалась одна, скрываясь ото всех, ворую еду, жила в подземельях. Вероятно, где-то она слышала, что на Большом Истоке живут такие же, как она. Город, где все странные, поэтому никто никого не преследует за странности, где все живут как одна семья,

где она сможет выжить. И девчушка решила во что бы то ни стало добраться до нас. Плакса ребенок, поэтому она и знать не знала, что ей нужно было всего лишь сдаться властям. Все очень просто. Но она отправилась в путь наугад. Вероятно, очень долгий и трудный для нее. А когда она оказалась у нас, попыталась перебороть себя и заговорила с первыми же встреченными альтерами. Но ей не повезло, она встретила Робура Жака и Гошу Слюнтяя. Не лучшие альтеры для общения с детьми, согласись. Вероятно, они напугали ее, и она ушла под землю. Спряталась ото всех. Все ее надежды оказались разрушены, она не знала, что ей делать. Не знаю уж, сколько она просидела под землей, вероятно, долго. Время от времени она выбиралась на поверхность, чтобы найти еды. И в одну из вылазок она встретила детей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.